

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Средства речевого воздействия в парламентских дебатах

(на материале протоколов заседаний Бундестага)

основная образовательная программа бакалавриата по направлению подготовки
45.03.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Иностранные языки»
Профиль «Немецкий язык»

очной формы обучения
Прокофьева Елизавета Петровна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Езан И. Е.

Рецензент:
к.ф.н., доц. Григорьева Л.Н.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Особенности современной политической коммуникации.....	6
1.1. Основные направления исследования политической коммуникации в современной лингвистике.....	6
1.2. Политический дискурс в современной лингвистике.....	9
1.3. Парламентские дебаты как разновидность политического дискурса.....	11
Глава 2. Функционирование средств речевого воздействия в парламентских дебатах.....	15
2.1. Повтор как средство речевого воздействия в парламентских дебатах.....	15
2.1.1. Функционирование повтора в тексте.....	15
2.1.2. Синтаксический повтор.....	16
2.1.3. Лексический повтор.....	19
2.2. Метафора как средство речевого воздействия в парламентских дебатах.....	21
2.2.1. Метафора как фигура речи.....	21
2.2.2. Субстантивные метафоры.....	24
2.2.3. Адъективная метафора.....	25
2.2.4. Глагольная метафора.....	27
2.2.5. Развернутая метафора.....	29
2.3. Парентетические вставки как средство речевого воздействия в парламентских дебатах.....	30
2.3.1. Понятие парентетических вставок в современной лингвистике.....	30
2.3.2. Структурная организация парентетических включений.....	34
2.3.2.1. Парентетические вставки-словосочетания.....	34
2.3.2.2. Парентетические вставки-простые предложения.....	34
2.3.2.3. Парентетические вставки-сложные предложения.....	35
2.3.3. Семантико-прагматическая классификация парентетических включений.....	36
2.3.3.1. Содержательные парентезы.....	36
2.3.3.1.1. Конкретизирующие содержательные парентезы.....	38
2.3.3.1.2. Содержательные парентезы-отсылки.....	39

2.3.3.2 Модальные парантезы.....	40
2.3.3.2.1 Модальные парантезы категоричности.....	40
2.3.3.2.2 Модальные парантезы-выделители.....	41
2.3.3.2.3 Модально-оценочные парантезы.....	42
2.3.3.3 Конативные парантезы.....	42
2.3.4 Позиции, занимаемые парентетическими включениями в основном предложении.....	43
2.4.Экскламативные предложения как средство речевого воздействия в парламентских дебатах	47
2.4.1.Лингвистическая категория «восклицание».....	47
2.4.2.Функционирование эксламативных предложений в качестве реплик с места.....	48
2.4.2.1.Побудительные эксламативные предложения.....	50
2.4.2.2.Оценочные эксламативные предложения.....	51
2.4.2.3.Эмотивно ориентированные эксламативные предложения.....	52
2.4.3. Обращения-эксламативы.....	55
2.5. Риторический вопрос как средство речевого воздействия в парламентских дебатах.....	56
2.5.1.Риторический вопрос как фигура речи.....	56
2.5.2.Собственно-риторические вопросы.....	58
2.5.3.Несобственно-риторические вопросы.....	60
2.6. Обращение как средство речевого воздействия в парламентских дебатах.....	63
2.6.1.Обращения как регуляторы вербальной интеракции.....	63
2.6.2.Нейтральные обращения.....	65
2.6.3.Роль прилагательных в составе обращений.....	66
Заключение.....	70
Список использованного материала.....	75
Список использованной литературы.....	76
Список использованных словарей.....	81

Введение

Данная работа посвящена исследованию средств речевого воздействия в парламентских дебатах в немецком Бундестаге.

Являясь высшим законодательным органом современного государства, парламент играет важную роль в жизни общества. Дебаты, регулярно разворачивающиеся в парламенте Бундестаг, отражают накал политических страстей в стране. Изучение выступлений представителей различных социальных групп немецкого общества позволяет не только ознакомиться с проблемами, волнующими на данном этапе граждан, но и составить представление об особенностях отражения в речи стратегий аргументативного дискурса, используемых выступающими.

Политическая коммуникация как вид публичного общения неизбежно оказывает влияние на общество, а значит, механизмы, типичные для политического дискурса, появляются и в других ситуациях межличностного общения.

Парламентские дебаты неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных лингвистов. В различных аспектах они изучались такими языковедами, как В.Г. Адмони (1994), В.З. Демьянков (1982), И.В. Жельвис (1999), Е. И. Шейгал (2000), Е.В. Сапрыкина (2007), Н. J. Diekmannschenke (1996), M. Eisner (1991), E. Liphardt (2005), K. Watzin (1998) и многими другими.

Актуальность предпринятого исследования определяется повышенным интересом ученых-языковедов к такому новому направлению современного языкознания как политическая лингвистика.

В ораторской речи, как и в других видах речевой деятельности, применяются различные приемы, способствующие более яркому и рельефному отражению интенций говорящего. Так, в целях отражения своего отношения к сообщаемым фактам или развиваемым идеям, выступающий может использовать различные средства речевого воздействия, которые и являются **объектом** данного исследования.

Целью данной работы является выявление и описание средств речевого

воздействия в тексте политических дебатов.

В **задачи** работы входит:

1. Ознакомление со стенограммами политических дебатов и создание корпуса примеров;
2. Изучение лингвистической литературы по проблемам политического дискурса;
3. Определение стилистических приемов, характерных для типа текста «дебаты»;
4. Изучение синтаксического построения используемых конструкций;
5. Исследование прагматического потенциала данных языковых единиц.

Материалом для исследования послужили протоколы дебатов в Бундестаге, опубликованные в Интернете на официальном сайте немецкого Парламента: www.bundestag.de.

Сбор языкового материала осуществлялся из 14 протоколов дебатов, к двум из которых был применен **метод сплошной выборки**. Общее число примеров составляет 400 единиц.

В соответствии с целями и задачами исследования в работе применяются **методы** контекстуального, функционально-прагматического и семантического анализа.

Задачи исследования обусловили структуру работы: исследование состоит из введения, двух глав, теоретической и исследовательской, разделенных на параграфы, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и списка использованных материалов.

Глава 1. Особенности современной политической коммуникации

1.1. Основные направления исследования политической коммуникации в современной лингвистике

Политическая коммуникация представляет собой речевую деятельность, ориентированную на пропаганду политических идей. Она определяется конкретной политической ситуацией в отдельно взятом государстве, а также историей развития политических отношений. Главной функцией политической коммуникации является борьба за политическую власть.

Т. В. Юдина отмечает, что общественно-политическая речь является одной из разновидностей речевой коммуникации, тесно связанной с неречевым контекстом, образуя синтез речевого действия и политического действия. Речевой акт в политическом действии проявляется одновременно и как социальное действие. Он выполняет конституирующую функцию по отношению к политическому действию. Несомненно, существует взаимосвязь между мыслью и ее языковым оформлением, между речевым и политическим действием. Один из системных признаков общественно-политической речи заключается во внутренней подчиненности структуры речи цели коммуникации и интенции говорящего [Юдина, 2001: 35].

По мнению Т. В. Юдиной, общественно-политическая речь, сочетая целостность с внутренней дифференциацией, включает три вида селекции: селекцию информации, селекцию сообщения и селекцию в плане понимания. При анализе восприятия общественно-политической речи важное место занимает вопрос соотнесенности 2-х сторон речевого акта – интенции и рецепции. Для общественно-политической речи анализ должен производиться в единстве ее порождения и интерпретации. Интерпретация значения словесных комплексов должна исходить не только из значения слова как такового, но и принимать во внимание многообразие форм использования слова, в том числе и с позиции говорящего. Понимание и интерпретация общественно-политической речи представляют собой интерпретацию текста через широкий контекст. Понимание речи связано с установлением значения ее компонентов, а значение

рассматривается, прежде всего, в контекстуальном окружении, таким образом понимание текста носит системный характер и базируется на принципе взаимодействия частей и целого.

Существенным параметром, влияющим на интерпретацию, оказывается также временной фактор. Следует отметить, что функция воздействия речевого произведения претерпевает изменения во временной перспективе, создается множество различных интерпретаций, поэтому временной параметр должен приниматься во внимание в процессе анализа.

Т. В. Юдина отмечает, что традиционно общественно-политическая речь как языковое явление была представлена в судопроизводстве и публичном выступлении перед собравшимися массами людей. Такое положение дел существовало еще в античности. Задачей оратора, как во времена Цицерона, так и сегодня, является оказать воздействие на разнородную и большей частью аморфную группу людей. Такое воздействие осуществляется не только посредством выдвижения новых идей, но и посредством риторически привлекательно построенного выступления.

В настоящее время существуют четыре сферы, в которых реализуются формы общественно-политического дискурса. К таким сферам относятся: 1) парламентские выступления; 2) партийные съезды и заседания; 3) избирательные кампании; 4) международные конференции, встречи, форумы.

Политическая лингвистика является одним из новых исследовательских направлений современного языкознания. Эта область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней взаимодействуют достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, нарративного анализа, стилистики и риторики [Юдина, 2001: 35].

Вопросами политической лингвистики занимались такие немецкие лингвисты, как А. Burghardt (2005), К. Kamps (2006) и многие другие.

Среди российских лингвистов, занимающихся исследованиями политической коммуникации, наиболее известны Ю. М. Иванова (2003), В. И. Карасик (2002), Е. В. Ключев (2002), Т. В. Юдина (2001), М. В. Юрина (2006), Е. И. Шейгал (2000) и другие.

Понятие политического стиля, как отмечает Т. В. Юдина, определяется целым рядом характеристик. Наиболее важными из них являются формулы подчеркивания, соотношение рациональных и эмоциональных аргументов. Взаимодействие этих характеристик позволяет создать публичные речи как дескриптивно-нарративной, так и персуазивной направленности.

Для современной политической коммуникации характерен определенный набор речевых средств, являющийся общим и универсальным. Однако различные политики используют их в различном соотношении. В этом заключается возможность выбора. Из всего потенциала средств политик выбирает определенные речевые средства и коммуникативные модели, которые и формируют его политический речевой стиль.

Политические партии пытаются отразить свои программы и ценностные системы в максимально сконцентрированной форме в политических маркерах и знаковых словах, в которых потенциально заложена идеологическая составляющая. Сущность явления сигнальных слов раскрывается в культурно-исторической, риторической и коммуникативной перспективе. В зависимости от речевого и аргументативного контекста одни и те же сигнальные слова могут выполнять различную функцию. Сигнальные слова являются сигнальными прежде всего в рамках определенного коммуникативного и временного пространства, в котором они и приобретают свою символическую функцию. Успех или неуспех политического речевого произведения зависит в значительной степени от того, насколько успешно той или иной политической группе удастся перевести, трансформировать свои политические цели в систему символов, понятных на речевом уровне.

М. В. Юрина изучает функцию воздействия в политической коммуникации и в качестве языковых ресурсов, обеспечивающих реализацию этой функции, она называет целый ряд факторов, среди которых фигурирует, в частности, вариативная интерпретация действительности, возможная благодаря наличию в плане содержания высказывания эксплицитного и имплицитного компонентов. Особенно интересным в ее концепции представляется то значение, которое придается стереотипии, проявляющейся в высокой частности

использования клише и штампов, обеспечивающих эффективное воздействие на слушателя/читателя в условиях сложного представления информации [Юрина, 2006: 6 – 7].

Изучая политическую коммуникацию, ориентированную на пропаганду политических идей, необходимо четко представлять себе, что главной функцией политической коммуникации является борьба за политическую власть посредством использования различных языковых приемов.

1.2. Политический дискурс в современной лингвистике

Дискурс (фр. discours) – термин, использующийся в ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка. Это и лингвистика, и литературоведение, и семиотика, а также социология, философия, этнология и антропология [Арутюнова, 1990: 136–137]

Как считает Е.И.Шейгал (2000), широкой популярности этого термина способствовало то обстоятельство, что он удачно удовлетворяет различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке.

Термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако в отличие от текста он подчеркивает динамический характер языкового общения. Текст мыслится преимущественно как результат языковой деятельности, то есть как статический объект. Согласно еще одной существующей в современном языкознании точке зрения, «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности в ее социальном контексте, и ее результат (т.е. текст); именно такое понимание данного термина принято в нашей работе.

Одним из первых акт коммуникации с конкретными его участниками, говорящим и слушающим, соотнес Э.Бенвенист, который заострил внимание на коммуникативном намерении говорящего, его желании воздействовать на слушателя.

Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным

образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах.

В науке о дискурсе выделяются работы, которые исследуют построение дискурса, и изыскания, которые исследуют понимание дискурса адресатом.

Структура разговорного дискурса определяется рядом этапов: вступление в речевой контакт, выдвижение инициальной темы разговора, смена ролей в ходе коммуникативного акта, смена темы разговора, выход из коммуникативного акта.

По мнению многих исследователей, например, Е.И.Шейгал (2000), Т.В.Юдиной (2004), современный анализ дискурса подразумевает новый тип его изучения. Во внимание принимаются все компоненты дискурсивной коммуникации, а именно:

- докоммуникативный этап (разработка и осмысление концепта, осознание целей и задач коммуникации);

- коммуникативный этап;

- посткоммуникативный этап (оценка успешности коммуникации).

Дискурс рассматривается как единство и взаимодействие текста и контекста. При этом контекст понимается в самом широком плане и включает лингвистические, экстралингвистические и прагматические параметры.

Рядом исследователей дискурс ассоциируется только со звучащей, устной речью, а текст – с письменной формой. Удачным преодолением ограниченности такого подхода является концепция В.В. Богданова, согласно которой термин «речь» и «текст» являются видовыми по отношению к родовому термину «дискурс». Речь связана со звучащей субстанцией, спонтанна, ненормативна, эллиптическая, диалогична, тогда как текст подготовлен, нормативен, развернут, монологичен или диалогичен, отличается от речи графической репрезентацией языкового материала. Дискурс в таком понимании объединяет все параметры, свойственные и речи, и тексту [Богданов, 1990: 88].

Основная задача лингвистического анализа политического дискурса – вскрыть механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием,

речью и поведением [Шейгал, 2000: 8].

Политическое общение всегда идеологизировано, поскольку коммуниканты выступают в нем не как личности, представляющие самих себя, а как представители институтов и политических групп. Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов политического общения определяют их вербальное поведение, в частности стратегии и риторические приемы, речевые ходы и тематическую структуру дискурса.

1.3. Парламентские дебаты как разновидность политического дискурса

Изначально сам термин «дебаты» предполагает устную форму общения, тем не менее, часто практикуется перекодирование дебатов в графическую форму (протоколы заседаний, составленные на основе текстов стенографических отчетов о пленарных заседаниях).

Жанр дебатов распадается на две части: монологическую, близкую письменной речи (это, как правило, доклады, представленные в начале дебатов) и диалог в собственном смысле слова.

Каждый из коммуникантов отстаивает определенную позицию относительно одного и того же референта, интерпретируемого по-разному. Дебаты представляют собой, как правило, полемический диалог. Поэтому в парламентских дебатах часто нарушаются постулаты принципа кооперации (объем, содержание, уместность и ясность сообщаемой информации), согласно которому, коммуниканты должны стараться строить своё высказывание таким образом, чтобы оно способствовало успешной коммуникации и движению в нужном направлении высказываний другого коммуниканта [Грайс, 1985: 217–238].

Парламентские дебаты сочетают в себе признаки контактной и дистантной коммуникации, так как каждый выступающий обращается не только к своим коллегам, но также и к потенциальным избирателям. Характерным является существование сменного лидера, получающего право слова и выбирающего стратегию общения.

В условиях групповой коммуникации (оратор и аудитория) реакция

аудитории на сказанное и ожидаемое, как правило, учитывается участниками дебатов. Она влияет на их психологическое состояние, речевое поведение эмоциональной настройкой. Устный характер общения в дебатах предполагает большую степень спонтанности, а спонтанность, в свою очередь, означает повышенную степень экспрессивности.

Однако очевидно, что дебаты – это лишь частично спонтанная форма. Даже в монологической их части нередко встречаются экспрессивные средства, подготовленные заранее для того, чтобы усилить прагматический эффект речи (это могут быть различные фигуры речи, прагматические вставки, игра слов).

Парламентские дебаты активно изучаются лингвистами с различных точек зрения и на материале различных языков. Так Е. В. Сапрыкина посвятила свою работу исследованию лингвистических особенностей реализации речевого действия «обвинение» в дебатах, проходящих в Бундестаге. Автор отмечает, что в ситуации «столкновения противоположных интересов и взглядов, в которой каждая из сторон выражает свои действия вербальными средствами, парламентские дебаты являются разновидностью коммуникативного конфликта». И особое внимание Е. В. Сапрыкина уделяет конфронтации оппонентов и стратегии дискредитации, обладающей сильным перлокутивным эффектом. [Сапрыкина, 2007: 3]

Е. В. Тенева на материале британского политико-публицистического дискурса рассматривает такие явления, как манипуляция и убеждение и приходит к выводу о том, что «убеждение и манипуляция являются подвидами категории воздействия и отличаются способами аргументации: при манипуляции используется эмоциональный способ, при убеждении — логический». [Тенева, 2016: 120]

Н. И. Андреев, изучающий партийно-политический дискурс немецкого языка, отмечает, что «языковая картина политического мира Германии сегодня в значительной мере определяется деятельностью политиков и партий, в первую очередь тех, которые входят в бундестаг». Интересно, что по мнению Н. И. Андреева, даже в условиях предвыборной борьбы лексикон политических партий Германии «отличается политкорректностью» [Андреев, 2011: 2].

Понятие политического дискурса объединяет различающиеся по многим параметрам явления языка, реализующиеся как в устной, так и в письменной форме. Г. А. Наминова, изучавшая российский политический дискурс с позиций политологии, отмечает, что «актуализируясь, политический дискурс обнаруживает многочисленные как вертикальные (между государством и обществом), так и горизонтальные (между отдельными частями общества) связи» [Наминова, 2001: 2]. Среди функций политического дискурса, выделяемых автором, непосредственное отношение к парламентским дебатам имеют консолидирующая (формирование или закрепление группы сторонников данной точки зрения), манипулятивная (стремление выступающего оказать воздействие на депутатов, навязать им свою точку зрения) и мобилизующая (направлена на сторонников данного политического течения вне стен парламента).

«Парламентский» диалог как особый вид диалога выделяет В.Г.Адмони, который ставит его в один ряд с бытовым, производственным, научным и учебным, судебным и административным, а также военным диалогом [Адмони, 1994: 72]. Л. Ю. Иванов подчеркивает, что дебаты представляют собой особый вид дискуссии [Иванов, 2003: 16]. Е. И. Шейгал обращает внимание на агональный характер политических дебатов, которые по этому параметру сближаются с лозунгом и рекламной речью и противопоставляются ритуальным (инаугурационная или юбилейная речь) и ориентационным жанрам (указ, соглашение и др.) [Шейгал, 2000: 24].

Для дискурса, который представляет общение в рамках сложившихся в обществе институтов, т.е. институционального дискурса характерны определенные правила и установки, регулирующие этот вид деятельности, выделяется система ролей и статусов [см. подробнее Седов, 2000].

Различают внутрифракционные (и внутрипартийные) дебаты и парламентские, которые имеют общие черты с политическими теледебатами, целью которых является предвыборная агитация.

Парламентские дебаты осуществляются в различной форме. Это и доклады депутатов, и промежуточные вопросы и выкрики с места, а также

высказывания председателя [Elspass, 1998: 53]. В тематическом плане Е. В. Сапрыкина выделяет общие прения, дебаты по определенной узкой теме, обзорные дебаты, дебаты «час вопросов», дебаты на актуальную тему, правительственный запрос и др. [Сапрыкина, 2007: 8].

Учитывая устную форму общения и институциональные рамки, Ф. Зиммлер обращает внимание на влияние невербальных ситуативных элементов и присутствие отсылок к прежним высказываниям или документам [Simmler, 1978: 506].

Парламентские дебаты представляют собой один из самых интересных для исследователя видов политического дискурса. Обмен мнениями происходит в устной форме (даже если основа выступления была продумана и подготовлена заранее). Непосредственная, а иногда и спонтанная реакция на точку зрения оппонента придает политическому диалогу выразительность, которая достигается путем использования целого ряда средств речевого воздействия.

Глава 2. Функционирование средств речевого воздействия в парламентских дебатах

Изучение протоколов заседаний Бундестага позволило нам выявить наиболее регулярно применяемые депутатами приемы достижения выразительности продуцируемой речи. Это повторы, метафоры, парентетические вставки, экскламативные предложения, риторические вопросы, обращения.

2.1. Повтор как средство речевого воздействия в парламентских дебатах

2.1.1. Функционирование повтора в тексте

Одним из средств речевого воздействия на собеседника является повтор, то есть «фигура речи, состоящая в повторении звуков, слов и выражений в определенной последовательности» [Ахманова, 1969: 327].

Языковеды отмечают, что повтор может охватывать практически все единицы языка: от фонем до сложных синтаксических целых. О. А. Кострова считает, что экспрессивный характер повтора связан с его избыточностью в номинативном плане, а его воздействующая функция осуществляется в дискурсе [Кострова, 2004: 95]. Повтор обычно характеризует эмоциональную речь. К. А. Долинин обратил внимание на количественную сторону этой фигуры речи, он писал, что говорящий стремится «восполнить качество количеством» [Долинин, 1987: 216].

О. А. Кострова подробно описывает все возможные виды повтора, основываясь на двух принципах: полноте повторяемых структур и их расположении относительно друг друга [Кострова, 2004: 95]. Выделяются контактные и дистантные, полные и варьированные повторы.

Повтор, как уже отмечалось ранее, свидетельствует об эмоциональном состоянии говорящего. В нем находит выражение эмоционально-смысловая доминанта текста. Однако, наряду с экспрессивно-эмотивной функцией, повтор структурирует текст, участвует в создании его архитектоники [Кострова, 2004:

96].

Важную роль повторов в создании связности текста отмечает Н. А. Николина. Само понятие связности, как пишет об этом В. А. Лукин, «в самом общем плане может быть определено через повтор; некоторая последовательность знаков на том основании расценивается как связная, что имеет, место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов; повторяясь, они скрепляют, "сшивают" такую последовательность; в одно отдельное целое» [Лукин, 1999: 22]. Однако, очевидно, что в качестве фигуры речи повтор, по выражению Н. А. Николиной, выполняет усилительно-выделительную функцию. В стилистике традиционно выделяется экспрессивно-эмотивная функция повтора.

Изучая роль повтора в художественной литературе XX века, Н. А. Николина приходит к выводу, что для «текстов этого периода характерно повторение не только отдельных слов и словосочетаний, но и предложений, сложных синтаксических целых и их объединений (текстовых блоков)» [Николина, 2003: 256]. Интересно проследить, насколько приемы, сознательно и продуманно применяемые авторами художественных произведений, распространены в текстах парламентских дебатов как особого типа политического дискурса.

Семантический принцип выдвигает на первый план в своем исследовании Е. В. Афанасенко, которая изучает политический дискурс на материале английского и русского языков. «Семантический повтор играет немаловажную роль в реализации функций политического дискурса», главной из которых признается «суггестивная или функция убеждения, воздействия» [Афанасенко, 2006: 4]. При этом в поле зрения исследователя попадают, в том числе, и «явления семантической эквивалентности, когда у элементов повтора при различиях во внешней форме наблюдается семантическое сходство». [Афанасенко, 2006: 9]

Наше внимание будет направлено на выявление синтаксических и лексических повторов.

2.1.2. Синтаксический повтор

Синтаксический повтор является частью особенных стилистических фигур, к примеру, таких как анафора (синтаксический повтор располагается в начале предложения) и эпифора (синтаксический повтор находится в конце предложения). В следующем далее примере присутствует повтор вводной части предложения идентификации.

„Das heißt soziale Sicherheitsstandards, faire Mindestlöhne, das heißt ein Ende von Steuerflucht und Steuerdumping. Das heißt auch ein Europa der Jugend; denn wir sehen doch, dass wir vor allen Dingen in Südeuropa eine ganze Generation für die europäische Idee verlieren. Die Idee des Juncker-Plans, Investitionen zu stärken, ist der richtige Ansatz.“ (213 Sitzung. S. 21348)

В данном случае можно говорить о варьированном повторе и проявлении синтаксического параллелизма [Долинин, 1987: 265], трижды используется одинаковая вводная часть предложения, затем следует часть, отличающаяся как по форме, так и по содержанию. Докладчик настойчиво подчеркивает положительные моменты предлагаемого им решения. Данный повтор является частью такой стилистической фигуры как анафора. Контактный повтор, применяемый в данном отрывке речи, должен оказывать сильное воздействие на слушающих. Аргумент, приведенный в базовом предложении, усиливается аргументами приводимыми далее.

Неоднократно повторяться может главное предложение в составе сложного целого.

„Wie kann es sein, dass Amri diesen feigen Anschlag durchführen konnte, obwohl er seit 2015 wöchentlich Thema deutscher Behörden war? Wie kann es sein, dass trotz Information eines V-Manns, dass ein „gewisser Anis“ Anschlagspläne hegt, hier Informationen nicht zusammengeführt worden sind? Woher hatte Amri seit Februar 2016 die Information, dass die Behörden ihn auf dem Schirm hatten? Wie kann es sein, dass die Observierung Amris ab April 2016 nur noch lückenhaft durchgeführt worden ist? Wieso wurde die Beschattung, obwohl er Thema im Gemeinsamen Terrorismusabwehrzentrum war, im September eingestellt, und das, meine Damen und Herren, zu einem Zeitpunkt, zu dem der marokkanische Geheimdienst

Informationen hierhergegeben hat, dass er eben ein Gefahrenpotenzial hat? Wie kann denn das sein? Wie kann es zu dieser Einschätzung kommen, dass er nicht gefährlich ist? Dafür gibt es keine Erklärung.“(211 Sitzung. S. 21163)

На достаточно протяженном текстовом расстоянии сложное предложение трижды начинается с вопросительной части. Выступающий использует форму риторического вопроса, чтобы подчеркнуть свое возмущение бездействием властей, высказать отрицательное отношение к происходящему. В четвертый раз используется вопросительное предложение с усилительной частицей *denn*, как бы подводющее итог сказанному. Затем следует еще один риторический вопрос, в котором используется частичный повтор исходной конструкции и эксплицируется мнение говорящего. И, наконец, выступающий дает ответ, который заключается в том, что всему происходящему нельзя найти никакого объяснения.

Повторяющиеся вопросительные конструкции обладают высоким экспрессивным потенциалом.

„Gibt es eine Rechtslücke, die das erforderlich macht? Gibt es verwerfliche Handlungen, die bisher nicht unter Strafe gestellt werden können? Gibt es gar Gewalt gegen Polizisten, Feuerwehrleute oder Rettungsdienstler, die nicht geahndet werden kann?“ (219 Sitzung. S. 21939)

В данном примере также можно говорить о синтаксическом параллелизме. Повторяется не только начальная часть главного предложения, но и в трех случаях сложноподчиненное предложение строится по одной и той же модели, включает придаточное одного типа.

К случаям синтаксического параллелизма можно отнести также повтор придаточного предложения какой-либо типа.

„Das ist auch gar nicht beabsichtigt, sondern der Einsatz ist beabsichtigt, wenn er sinnvoll ist, wenn er nützlich ist, wenn er bei der Fahndung hilft, wenn er bei Kriminalitätslagebildern unterstützen kann, wie es bereits in sechs, sieben, acht Bundesländern geschieht, die zum Teil rot-grün regiert sind.“ (216 Sitzung. S. 21650)

Условные придаточные, вводимые союзом *wenn*, используются четыре раза. Говорящий призывает слушающих присоединиться к его мнению. В первых

двух случаях наблюдается полный параллелизм структуры придаточных предложений, в третьем и четвертом предложениях отметим наличие одинакового предлога *bei* после местоимения-подлежащего.

Синтаксический повтор может сочетаться с лексическим.

„Das ist mit uns als Union nicht zu machen. Deshalb haben wir einen großen Aufwuchs bei der Polizei beschlossen, deshalb haben wir ein Mehr bei der Ausrüstung beschlossen, und deshalb beschließen wir auch einen besseren Schutz.“
(219 Sitzung. S. 21944)

После точки трижды повторяется придаточное следствия, вводимое союзом *deshalb*, и трижды используется глагол *beschließen* с варьированием формы в третьем придаточном.

В нашем корпусе примеров есть также случаи повтора устойчивых выражений, включающих глагол с зависимыми словами.

„Wir bringen neben personellem Aufwuchs und neben besserer Ausrüstung auch strafrechtliche Verschärfungen auf den Weg. Wir bringen sie heute auf den Weg – mit der Umsetzung einer Vereinbarung, die wir im Koalitionsvertrag mit der SPD vor über drei Jahren getroffen haben.“(219 Sitzung. S. 21942)

Создавая рамку предложения, конструкция с глаголом *bringen* и по своему лексическому составу представляет собою повтор.

Сочетание синтаксического и лексического типов повтора обнаруживается и в следующем ниже примере.

„Keine Gesellschaft kann organisiert werden, keine Gesellschaft kann ihre Ordnung wahren ohne die Existenz von Polizei und ohne die Ermöglichung ordnungsgemäßer Abläufe bei der Polizei. Dies gilt in allgemeinen Zeiten, und dies gilt in Zeiten wie diesen, in denen die Sicherheitslage angegriffen ist, in ganz besonderer Weise.“(219 Sitzung. S. 21941)

Повтор существительного с отрицанием в функции подлежащего и модального глагола образует выразительную фигуру речи, способную оказать желаемое действие на аудиторию.

2.1.3. Лексический повтор

Повторяться может отдельное слово, в частности, наречие.

„...– in 20 Prozent der Gemeinden in den ländlichen Räumen Deutschlands weder eine Bushaltestelle noch eine Grundschule noch einen Arzt noch einen Apotheker noch einen Supermarkt gibt.“(215 Sitzung. S. 21463)

В данном случае речь идет о стремлении говорящего убедить депутатов в своей правоте, поддержать предпринимаемые им действия, что приведет к появлению новых школ, врачей, аптекарей, супермаркетов в 20% сельских муниципальных образований. Настойчивый повтор наречия *noch* перед неопределенным артиклем единственного числа в его конкретно количественной функции делает более рельефной идею улучшения условий жизни в сельской местности. Наряду с лексическим повтором присутствует и определенный синтаксический параллелизм.

Повтор наречий в различных сочетаниях, как правило, придает дополнительную выразительность высказыванию.

1) „Erster Grund: die Jugend . Die Jugend ist europäisch aufgewachsen. Die meisten Jugendlichen sprechen ganz gut Englisch. Die haben mal hier, mal dort gearbeitet, sie haben mal hier, mal dort studiert etc.“(213 Sitzung. S. 21349)

Первой из пятидесяти причин проголосовать за Евросоюз является ориентация молодежи на единую Европу. Словосочетание mal hier, mal dort подчеркивает способность молодых людей учиться, работать в различных странах.

Итак, наиболее характерным для текстов парламентских дебатов является синтаксический повтор, во многих случаях сочетающийся с лексическим повтором.

В абсолютном большинстве случаев синтаксический повтор представляет собой анафору.

Синтаксический параллелизм наблюдается на достаточно протяженных отрезках текста, а число элементов в составе повтора варьируется.

В плане структуры повторяться может подлежащее и сказуемое предложения, главная часть сложноподчиненного предложения, часть придаточного обстоятельственного предложения, включающая союз.

Повтор риторических вопросов, которые обладают высокой экспрессивностью, придает речи особую выразительность.

Лексический повтор как более или менее самостоятельное явление отмечен нами для наречий. Однако и в этом случае он может сопровождаться синтаксическим параллелизмом.

2.2. Метафора как средство речевого воздействия в парламентских дебатах

2.2.1. Метафора как фигура речи

О. С. Ахманова определяет метафору как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства аналогии [Словарь лингвистических терминов, Советская энциклопедия 1969: 231]. Это самое общее определение сложного и многогранного явления, выделяемого в языке. Существует мнение, согласно которому процесс мышления человека сам по себе метафоричен [Лакофф, 1993: 203].

А. А. Реформатский рассматривает метафору как перенос наименований, основанный на сходстве по цвету, форме, характеру движений и другим признакам. Таким образом, метафора понимается как перенос значения слова, основанный на сходстве материальных характеристик, которые воспринимаются органами чувств [Реформатский, 1967: 77].

Н. Д. Арутюнова, выделяет три семантических типа языковой метафоры: *номинативная* (1 тип), *образная* (2 тип), *признаковая* (3 тип).

В первом случае (номинативная метафора) семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного значения другим. Номинативная метафора проявляет себя, когда необходимо дать название некоторому непоименованному классу реалий.

Образная метафора (2 тип) характеризуется семантическим сдвигом, переходом предметного значения в категорию признаков слов.

Признаковая метафора (3 тип) состоит в соотнесении с субъектом метафоры признаков, свойств и действий, которые характерны для другого класса объектов. Данный тип метафоры «является орудием выделения,

познания свойств материальных тел и абстрактных категорий» [Арутюнова, 1998: 136 – 137].

Описывая перцептивную или образную метафору, лингвисты отмечают, что признаки отбираются у одного класса объектов и прилагаются к другому классу или индивиду - актуальному субъекту метафоры. Например, когда человека называют «лошадью», ему обычно приписывают признак усердия. Чувственно воспринимаемые признаки переводятся в разряд отвлеченных (абстрактных) и непосредственно не наблюдаемых. Образ конкретного животного, обладающего указанным признаком, создает наглядное представление об этом человеческом качестве.

Важнейшей особенностью образной метафоры ученые считают ее ситуационный характер, ее «креативную силу как способность создавать определенное эмоциональное состояние у реципиента» [Баранов, 2003: 73 – 95].

В современном языкознании выделяется также так называемая *когнитивная, или концептуальная*, перенос некоего «набора» когнитивных, или концептуальных, признаков, сопровождаемого ослаблением образа [Арутюнова, 1998: 190].

И, наконец, как базовая ментальная структура рассматриваются *пространственная метафора*. Процесс метафоризации на базе пространственных представлений человека предполагает «расширение» объема образной составляющей концепта на основе уже сформировавшихся концептов. Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что характерным признаком пространственной (ориентационной) метафоры является «организация целой системы, понятий по образцу некоторой другой системы» [Лакофф, Джонсон, 2004: 24].

Культурологический характер метафоры подчеркивается целым рядом лингвистов. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, «метафоризация значения во многом обусловлена картиной мира носителей языка, то есть народной символикой и ходячими представлениями о реалиях, признаках, действиях, образующими коннотации слова» [Арутюнова, 1979: 4]. Основой

метафоризации, таким образом, являются свойства, которыми обладает реалья, а не значение слова, которым эта реалья обозначается.

Отмечается, что в разных типах дискурса «метафора выполняет разные функции» [Кобозева, 2001: 134 – 135]. И. М. Кобозева считает, что в политическом дискурсе, основными функциями метафоры являются эвристическая и аргументативная. Она отмечает также, что в политической речи метафора может сглаживать «наиболее опасные политические высказывания» [Там же, с. 135].

Сходную мысль высказывает А. П. Чудинов, по его мнению «метафора служит важным средством познания и объяснения мира, эффективным средством прагматического воздействия на сознание массовой аудитории» [Чудинов, 2007: 180]. Таким образом, языковеды, изучающие политический дискурс, выделяют две главные функции метафоры «1) представление и познание политической реальности, 2) убеждение» [Андреев 2011: 70 – 82].

Большое число работ немецких лингвистов посвящено изучению роли метафоры в политическом дискурсе [Wesel, 1995; Vachem, Battke, 1999; Bernhard, 1995; Böke, 1997 и др.]. Анализируя функционирование метафор как на материале немецкого и русского, так и других языков, ученые единодушно приходят к выводу о том, что метафора является мощным средством воздействия на аудиторию. В ходе обмена мнениями депутаты Бундестага широко используют это языковое средство для придания своей речи большей выразительности, а значит и большей убеждающей силы.

Как уже было отмечено ранее, существуют различные классификации метафор. По степени освоенности лексической системой языка различают образные (живые) и стершиеся (мертвые) метафоры [Москвин, 2006: 131–135]. По широте охвата действительности метафорическим образом различают базисные (концептуальные) и второстепенные метафоры. Первые «прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту. Они обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий» [Арутюнова, 1990: 14]. Вторые «характеризуют более частные

объекты на основе конкретной аналогии с другим объектом» [Арутюнова, 1998: 296]. Среди второстепенных метафор различают пространственные, флористические, анималистические и др. Э. В. Будаев в зависимости от принадлежности к понятийному разряду выделяет пять групп «к которым относятся антропоморфная, природоморфная, социоморфная, артефактная и идеоморфная метафоры» [Будаев, 2010]. Названия многих диссертационных исследований последних лет отражают понятийную составляющую изучаемых метафор [Керимов, 2005: 186; Литвинова, 2008: 203].

В соответствии со структурной классификацией различают простую метафору и развернутую [Москвин, 2006: 136]. Отметим, что в нашем языковом материале присутствуют как простые метафоры, так и развернутые, состоящие из группы тематически связанных единиц.

По частеречевой принадлежности метафоры подразделяются на субстантивные, адъективные, глагольные и наречные. Мы основываемся, прежде всего, на структурных особенностях данного тропа речи.

2.2.2. Субстантивные метафоры

В нашем языковом материале встречаются метафорическое использование имени существительного без определяющих его слов.

1) „Uns allen ist klar, dass Videotechnik kein Allheilmittel ist. Sie ist aber auch kein Dämon.“ (216 Sitzung. S. 21649)

В данном случае речь идет о специальных видеоустройствах, которые, по мнению говорящего, не являются панацеей, но и не наносят вреда. Отрицательная сторона использования таких устройств моделируется при помощи метафоры. Существительное *Dämon* обладает значением, которому свойственны отрицательные коннотации, которые будут ассоциироваться с возможными отрицательными свойствами описываемых приборов.

Метафорически могут использоваться и сложные существительные.

2) „Aber nachdem ich das alles gesagt habe, muss ich Ihnen begründen, weshalb ich einen Neustart will und die EU retten will.“ (213 Sitzung. S.21349)

В приведенном примере присутствует метафора, основанная на спортивной тематике. Новый старт – это обновление Евросоюза. Данное слово образовано путем сложения прилагательного и существительного.

По нашим наблюдениям, распространенным случаем является метафорическое использование существительного в сочетании с прилагательным.

3) „Im Übrigen ist der Innenminister kein harter Hund, wie ich in einer Zeitungüberschrift gelesen habe. Ich halte ihn für einen schlauen Hund – wenn überhaupt; das Wort „Hund“ ist ein bisschen despektierlich“. (211 Sitzung. S. 21176)

Говорящий использует развернутую метафору. Министр внутренних дел сначала сравнивается с крепким орешком в образе стойкого пса, затем существительное *Hund* вновь появляется в тексте, но уже с другим эпитетом „*schlau*“. Основой для формирования образа в этих словосочетаниях является существительное, поэтому мы относим их к субстантивному типу, а не к адъективному.

Отрицательные качества «тёмных личностей» в сфере сельского хозяйства отражает метафора в следующем примере.

4) „Doch Regelverstöße ärgern uns Landwirte zu aller erst, weil wir genau wissen, dass schwarze Schafe die ganze Branche schwächen und schädigen“ (212 Sitzung. S. 21215)

Говорящие не случайно используют образ черной овцы. Чёрный цвет традиционно обладает отрицательной коннотацией. Немецкое выражение *schwarze Schafe* (черная овечка) в определённой степени соответствует русскому выражению *белая ворона*. И в том, и в другом случае признак цвета, резко отличающегося от цвета остальных представителей этого вида, является основополагающим. В приведенном примере *черные овечки* (модификация фразеологизма по категории числа) отличаются от остальных «овечек» отрицательным поведением.

2.2.3. Адъективная метафора

Основой для формирования образа может быть имя прилагательное или причастие, выступающее в функции определения. Adj + S

- 5) „Was Sie hier treiben, liebe Kolleginnen und Kollegen von der Union, das ist nicht nur das Gegenteil von Klimaschutz, sondern es ist auch das Gegenteil von Verbraucherschutz; denn ohne Energieeinsparungen und ohne erneuerbare Energien stehen den Mieterinnen und Mietern spätestens beim nächsten Ölpreisanstieg saftige Heizkostenrechnungen ins Haus.“(218 Sitzung.S.21863)

Прилагательное *saftig* обладает большой выразительной силой, его можно рассматривать как интенсификатор, указывающий на запредельную стоимость отопления.

- 6) „Wir leben in einem Land, das sich sozial immer weiter zerlegt; einem Land, in dem der eiskalte Neoliberalismus der letzten drei Jahrzehnte gesellschaftlichen Zusammenhalt immer weiter und immer stärker zerstört.“ (218 Sitzung.S.21801)

Определение *eiskalt* при существительном *неолиберализм* отражает отрицательную, по мнению выступающего, сторону этого политического течения. Депутат использует яркий эпитет, создавая образную основу своего доклада.

Для описания активно идущих процессов депутаты привлекают образ взрыва.

- 7) „Es gäbe eine explosionsartige Zuwanderung in unsere Sozialsysteme mit allen Folgen.“(218 . Sitzung.S.21804)

Прилагательное *explosionsartig* указывает на резко растущее число беженцев.

- 8) „Angesichts explodierender Mieten in den Universitätsstädten und studentischer Wohnungsnot wollen wir, dass die tatsächlichen Wohnkosten erstattet werden, und zwar regional gestaffelt; denn Wohnen ist in Chemnitz oder Köln unterschiedlich teuer.“ (218 Sitzung. S. 21897)

Причастие I, образованное от глагола *explodieren*, в метафорическом употреблении отражает стремительный рост арендной платы за жилье. Даже если рассматривать данную метафору как стертую, нельзя не признать, что ее экспрессивный потенциал весьма велик.

2.2.4.Глагольная метафора

К глагольным метафорам относят сочетания существительного или местоимения в функции подлежащего с глаголом, в которых образность создается благодаря глаголу [Москвин, 2006: 136]. К этой же группе мы относим устойчивые выражения на основе глагола, которые могут состоять из глагола и прямого или косвенного дополнения, из глагола в сочетании с предложным дополнением или обстоятельством. Модели: S+V, V+S.

9) „Ich möchte eine Lanze für die Art und Weise brechen, wie wir nun mit der Aufklärung dieser Fragen umgehen.“ (211 Sitzung. S. 21176)

«Ломать копьё» значит вступить в спор, предлог *für* стоит перед существительным, обозначающим то лицо или явление, которое говорящий намерен защищать. Несмотря на яркий образ, лежащий в основе этого устойчивого выражения, оно уже превратилось в языковой штамп. Вероятно, можно в данном случае говорить о стертой метафоре.

10) „Als Letztes: Sie reden immer vom Friedensprojekt Europa. Herr Gysi, wenn Ihnen wirklich das Friedensprojekt Europa am Herzen liegt, dann sollten Sie nicht selber ein Säbelrasseln inszenieren, sondern sagen: Wir haben die einmalige Chance, in Europa in diesem Jahr das Friedensprojekt wieder zum Leben zu erwecken, nämlich in Zypern.“(213 Sitzung. S. 21353)

В приведенном выше примере метафора так же строится по модели V+S. И в том, и в другом случае существительное является прямым дополнением к глаголу, заполняют его объектную валентность. Бряцание оружием – это также языковой штамп. Как и в предыдущем случае, источником образа является военная сфера, но в эпоху, когда в сражениях участвовало только холодное оружие.

Депутаты используют метафоры, источниками которых являются самые разные области жизни общества. Следует отметить, что в своем большинстве это стертые метафоры, многие из которых превратились в языковые штампы.

11) „Vor diesem Hintergrund haben wir in dieser Legislaturperiode die Weichen für eine Strukturpolitik der Zukunft gestellt.“ (218 Sitzung. S. 21850)

«Установить стрелки», «перевести стрелки» – выражения, используемые в своем прямом значении на железной дороге.

12) „Integriert“ bedeutet , dass wir nicht mehr in Säulen und Silos denken, sondern die Programme miteinander verzahnen.“ (218 Sitzung. S. 21850)

Согласование программ представлено как процесс соединения шестеренок, относящийся к сфере техники.

На заседании, посвященном борьбе с уходом от налогообложения, речь идет об оффшорных зонах, которые носят название налоговых оазисов.

13) „Darum geht es: Wir wollen die Steueroasen trockenlegen...“ (218 Sitzung. S. 21836)

Существительное *Steueroase* в значительной степени потеряло свою образную силу, однако образ осушаемого оазиса вновь приобретает выразительность, метафора оживает.

Устойчивое выражение может состоять из глагола и существительного, которое присоединяется к нему при помощи предлога: V + präp + S.

14) „Um dieses Konzept, das ab 2020 in Kraft treten soll, auf solide Füße zu stellen, braucht es eine intensive Abstimmung.“(218 Sitzung. S. 21848)

Выражение „*auf Füße stellen*“ преобразовано выступающим, который ввел в его состав дополнительный элемент, прилагательное *solid*, придав тем самым выразительность стертой метафоре. Происходит модификация устойчивого выражения, оживление его образной основы.

Еще одна возможная модель глагольной метафоры: V + Adv.

15) „Die Wohnkostenpauschale reicht hinten und vorne nicht.“ (218 Sitzung. S. 21897)

Глагол в отрицательной форме в сочетании с двумя наречиями противоположного значения, соединенными сочинительным союзом, образует устойчивое выражение, в составе которого наречия играют роль интенсификатора (*катастрофически не хватает*).

2.2.5.Развернутая метафора

Под развернутой метафорой в данной работе понимается такая фигура речи, в которой уже нашедший в тексте отражение образ получает дальнейшее развитие.

16) „Ich möchte noch einen letzten Punkt ansprechen. Ich glaube, wichtig ist auch, dass wir die Zusammenhänge sehen. Die Förderung durch BAföG und die Studienfinanzierung gehören aus meiner Sicht zusammen. Ich höre alarmierende Signale.“ (218 Sitzung. S. 21902)

17) „Wenn der Vorsitzende der CDU in Nordrhein-Westfalen, Herr Laschet, in der Rheinischen Post am 5. Dezember 2016 laut darüber nachdenkt, neue Formen von Studiengebühren einzuführen, nachgelagerte Studiengebühren – der ist verdächtig; er hat schon einmal welche eingeführt –, (Kai Gehring [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Und die in Sachsen von Frau Stange!) und wenn wir in Baden-Württemberg die Einführung von Studiengebühren für internationale Studierende sehen, dann müssen wir die Sirenen, dann müssen wir die Warnsignale hören.“ (218 Sitzung. S.21903)

Словосочетание *alarmierende Signale*, использующееся в переносном значении, представляет собой стертую метафору. Затем говорящий возвращается к этому образу, оживляет стертую метафору, придает ей новую выразительность.

В качестве развернутой метафоры могут рассматриваться и случаи создания сложного образа.

18) „Es ist doch Irrsinn, dass man heute noch immer von einem Blockdenken ausgeht und sich manche Staaten als Bollwerk gegenüber Russland und nicht als Brücke zu Russland verstehen.“ (218 Sitzung. S. 21854)

В создании образа участвуют в этом случае не только имена существительные в сочетании с глаголом, *Bollwerk* противопоставлено *Brücke*, но и предлоги *zu* и *gegenüber*, также обладающие противоположным значением.

Итак, в ходе дебатов в стенах Бундестага депутаты используют различные виды метафор. По частеречевой принадлежности нами были выявлены субстантивные, глагольные и адъективные метафоры. Примеров

использования наречных метафор в проанализированном языковом материале не обнаружено.

В состав субстантивных метафор могут входить прилагательные, однако основой создания образа для субстантивных метафор служит имя существительное.

Адъективные метафоры, обнаруженные в нашем языковом материале, отражают интенсивный характер описываемого явления или делают акцент на одном из его свойств.

Глагольные метафоры отличаются структурным разнообразием. Наиболее частотными в тексте дебатов являются следующие модели:

V + S; V + präp + S; V + Adv.

Следует отметить, что в речи выступающих большое место занимают языковые штампы, многие из которых представляют собой стертые метафоры.

Оживление образной силы происходит при использовании развернутой метафоры или вследствие модификации устойчивого выражения путем введения в него новых элементов.

Источниками образов для метафор, использующихся в ходе дебатов, являются самые разные сферы. Среди субстантивных метафор распространены анималистические. Для глагольных метафор характерна военно-полицейская тематика. Природоморфные метафоры представлены во всех трех выделенных нами структурных типах. Характерными для парламентских дебатов являются метафоры, источником для которых служит сфера строительства (*Fundament, Ziegelstein, Baustein*).

2.3. Парентетические вставки как средство речевого воздействия в парламентских дебатах

2.3.1. Понятие парентетических вставок в современной лингвистике

Прагматические вставки, иными словами «парентезы» или «парентетические внесения» являются одним из наиболее часто встречающихся средств воздействия на аудиторию в жанре дебатов. Наиболее распространённым является термин «парентеза». Однако до сих пор не

существует единого мнения о понятии парентезы. Отмечается такое свойство парентез, как их «отдельность» от основной линии повествования. Вместе с тем термин «парентеза» объединяет столь разнообразный речевой материал, что можно предположить, что выделяемые для характеристики парентез критерии не будут применимы во всех случаях.

Одним из спорных вопросов является вопрос о структурной интегрированности/неинтегрированности парентетических включений в предложение или в текст. Такие авторы, как В.Флейшер и Г.Михель квалифицируют парентезы как: „*die Unterbrechung des Satzablaufs durch einen Satz oder ein Wort oder eine Wortgruppe, die in keine unmittelbaren formellen grammatischen Beziehung zu dem Satzsteht, der sie einschließt oder der ihnen vorausgeht*“ («Прерывание течения предложения другим предложением или словом, или словосочетанием, которые не имеют непосредственного формального грамматического отношения к предложению, которое их включает или предшествует им») [Fleischer, Michel , 1975: 341].

Грамматическая независимость парентез отмечается многими авторами, однако и в этом вопросе существуют спорные моменты. Нет единого мнения о том, относятся ли к парентетическим вставкам предложения, вводимые *wenn* и стоящие перед точкой в сложном целом.

Существует точка зрения, согласно которой к парентезам относят предложения с *wie*. В этом случае, вероятно, нельзя говорить о полной независимости парентезы от основного предложения [Pittner, 1995: 86].

Очевидно, что в зависимости от того, где стоит парентеза, может измениться значение целого предложения. В свой языковой материал мы решили включить только те предложения, в которых вставки располагаются в середине. Кроме того, чтобы избежать спорных моментов, мы будем использовать термин «прагматическая вставка», под которым понимают вставные словосочетания, предложения и группы предложений, нарушающие плавность течения текста, его линейные синтаксические и семантические связи [Кострова, 2004: 91].

Прерывая поток речи, прагматические вставки требуют особого просодического и графического оформления текста. На письме прагматические

вставки, как правило, оформляются с помощью парных запятых, скобок или парного тире. В стенографической записи парламентских прений в Бундестаге при оформлении прагматических вставок преобладает использование тире. Тире считается наиболее ярким знаком препинания, способным наиболее рельефно показать особый статус этих конструкций, их отдельность.

Следует учитывать, что стенографист, оформляя прагматические вставки, проявляет субъективное к ним отношение, так как не всегда можно адекватно оценить интенцию оратора и уловить паузу для введения прагматической вставки, хотя парентезы в любом случае просодически выпадают из потока речи (кроме пауз в начале и в конце, наблюдается более быстрое произнесение вставки и понижение тембра голоса). Прагматические вставки могут вклиниваться в любой сегмент текста, даже минимальный по объему. В этом отношении не существует никаких ограничений.

В.В. Антонова, изучавшая парентетические вставки на материале русского языка, поясняет различия, существующие между терминами парентеза и парантеза, последний относится только к вводным включениям [Антонова, 2015: 3]. Разграничение вводности и вставности не всегда представляется очевидным. О. В. Долгова предлагает на одном полюсе разместить типично вводные конструкции, на другом – типично вставные. Между ними будут располагаться конструкции, обладающие в большей или меньшей степени свойствами вводности или вставности. О. В. Долгова (Александрова) к парентетическим внесениям относит, в том числе, и такие однословные внесения, как *first, second*. Мы склонны относить подобные языковые единицы к текстовым коннекторам, структурирующим высказывание.

О. А. Ксензенко считает, что основное различие в употреблении парентетических внесений определяется различием двух основных функций речи: функции воздействия и функции сообщения [Ксензенко, 2000: 79].

Функция воздействия связана с функцией модальной характеристики фрагмента речи. Парентетические внесения нередко носят субъективный экспрессивно-оценочный характер: они выражают оценку степени достоверности, сомнения, иронию, возмущение и пр., то есть – выражают

мнение автора [Александрова, 2009: 39].

Интересную классификацию вставных конструкций предлагает Л.В.Фадеева: «по семантике парентетические внесения можно разделить на следующие группы: содержательные, экспликативные, обобщающие, авторизационные, персуазивные, метатекстовые, метакоммуникативные, модально-оценочные, ситуативные и контактоустанавливающие» [Фадеева, 2005].

Отметим еще раз, что коммуникативно-семантическая сущность прагматических вставок состоит в том, что они обеспечивают глубинный план текста, обозначая его ярусную структуру. С их помощью в тексте разграничиваются две содержательные линии: одна из них, представленная непрерывной цепочкой высказываний, является основной, другая, вклинивающаяся, создаёт так называемые интертекстуальные вкрапления. Вторичность интертекстуальных вкраплений обнаруживается прежде всего в коммуникативном плане.

Классификация парентетических вставок может основываться на различных принципах. Кроме очевидных признаков, таких как распространенность конструкции, тип синтаксической конструкции, место занимаемое в основном предложении, интересным, на наш взгляд, является выделение трех групп парентетических внесений, предложенное О.В.Костровой: содержательные, конативные (ориентированные на собеседника) и модально-оценочные [Кострова, 2004: 92-93].

Предметом изучения лингвистов являются также функции, выполняемые парентетическими вставками. Так в русской грамматической традиции общепринятой является имеющая практическое применение классификация Д.Е.Розенталь, которая делит парентетические включения на:

- 19) дополняющие или поясняющие содержание основного предложения;
- 20) представляющие собой попутные авторские замечания;
- 21) поясняющие отдельные слова в основном предложении;
- 22) вопросительные и восклицательные конструкции, выражающие эмоции автора или его отношение к высказанным словам, к цитатам;
- 23) содержащие ссылки на источник цитирования. [Розенталь, 2005: 363-367]

2.3.2. Структурная организация парентетических включений

С точки зрения структурной организации парентетических включений обнаруженные нами случаи их использования можно разделить на несколько групп.

2.3.2.1 Парентетические вставки-словосочетания

24) „ Für uns in der CDU/ CSU ist klar, dass wir Eltern – Väter wie Mütter – unterstützen.“(222 . Sitzung S.22422)

25) „ Damit sind vielfältige Verpflichtungen, Aufgaben, Erwartungen und Ansprüche verbunden, für die sie weder kandidiert haben noch gewählt wurden, aber die sie – meist unauffällig – mit großem Engagement, Charme und stiller Größe wahrgenommen haben oder wahrnehmen werden.“ (223 Sitzung. S. 22433)

В примере 28 выделенные тире существительные уточняют, конкретизируют значение того имени существительного, за которым они следуют: *Eltern-Väter wie Mütter*. С точки зрения той классификации, которую предлагает Э.Г. Ризель, подобная вставка представляет собой приложение.

Совершенно иную роль играет парентетическая связка, состоящая из двух слов, во втором примере. Включение *-meistunauffällig* - указывает на способ реализации действия и приносит дополнительную информацию. С точки зрения классификации Э.Г. Ризель такая вставка могла бы играть роль обстоятельства образа действия.

Уже на этих двух примерах становится очевидно, что даже парентетические вставки, состоящие из двух-трех элементов, могут выполнять совершенно различные функции.

2.3.2.2 Парентетические вставки-простые предложения

Значительный процент парентетических включений имеет форму простого предложения.

26) „Wir müssen endlich – das habe ich bei der letzten Debatte schonangesprochen – gegen die Tötung trächtiger Tiere vorgehen und auch den Pelztierfarmen den Kampf ansagen.“ (212 Sitzung. S. 21213)

В данном случае, если основываться на той связи, которая может быть обнаружена с основным предложением такая конструкция может быть названа вводным предложением. Парентетическая связка поясняет ситуацию, которая могла выйти за пределы поля зрения воспринимающих выступления депутатов. Сходную функцию выполняет парентетическая вставка в следующем примере :

27) „ Ich will durchaus konzедieren, dass manches, was der Kollege von Aken an kritischen Punkten genannt hat – Kollege Nouripour hat das unterstrichen –, natürlich von uns gesehen werden muss.“ (213 Sitzung. S. 21373)

В данном случае вводное предложение содержит комментарий относящийся к непосредственной ситуации общения.

Содержательный комментарий, представляющий собой парентетическое включение, может содержать важную информацию.

28) „ Wir arbeiten auch im Rahmen der G 20 – dort tragen wir in diesem Jahr eine besondere Verantwortung –an engagierten Festlegungen der führenden Industrie- und Schwellenländer für die Umsetzung der Agenda 2030.“ (229 Sitzung. S. 23080)

Особая роль Германии в составе Большой двадцатки несомненно известна слушающим, однако говорящий хочет подчеркнуть, выделить данный компонент содержания. Парентетические вставки, облаченные в форму простого предложения, могут иметь и иные функции, которые будут описаны в следующей части работы.

2.3.2.3 Парентетические вставки-сложные предложения

Парентетические включения могут облекаться также в форму сложного предложения достаточно большого объема.

29) „ Wir – damit meine ich auch viele derer, die die Atomkraft lange bekämpft haben – stellen uns der schwierigen und unangenehmen Verantwortung, die aus dem Erbe des Atomzeitalters herrührt.“ (225 Sitzung. S. 22489)

Парентетическая вставка раскрывает объем понятия, отражаемого инклюзивной формой местоимения «мы». Автору важно подчеркнуть, что речь идет о тех, кто выступал против атомной энергетики. В синтаксическом плане эта вставная конструкция представляет собой сложное предложение с придаточным относительным, по отношению к основному предложению оно является вводным.

Парентетические вставки могут выходить за пределы сложного предложения, однако чисто синтаксическая классификация парентез позволяет выявить лишь структурные параметры данных включений. Примеры, представленные в нашей выборке, свидетельствуют о том, что в синтаксическом плане диапазон используемых конструкций достаточно широк. При этом, идентичные по форме парантезы могут выполнять различные функции, а различные по своему построению включения могут обладать одинаковой функциональной нагрузкой.

2.3.3. Семантико-прагматическая классификация парентетических включений

Парламентские дебаты, как уже говорилось ранее, представляют собой особый тип политического дискурса. Для них характерна диалогичность, которая характеризует этот вид деятельности. Основываясь на классификации, предложенной О.В.Костровой, мы попытались выделить наиболее типичные для парламентских дебатов типы парентетических включений.

2.3.3.1 Содержательные парентезы

Наиболее распространенными, по нашим наблюдениям, являются содержательные парентезы.

30) „Alle diejenigen, die neu hinzukommen, werden ab dem 1. Januar 2018 – das wird dann bis 2024 stufenweise aufgebaut – davon profitieren.“ (217 Sitzung. S. 21706)

В данном случае речь идет о том, что планируется сделать в будущем, после даты, указанной в основном предложении. В следующем примере содержится отсылка к непосредственно предшествующему прошлому.

31) „Was mir generell in der politischen Debatte – so auch heute Morgen – etwas zu kurz kommt, ist, dass Essen auch etwas mit Genuss zu tun hat.“ (210 Sitzung. S. 21057)

So auch heute Morgen привносит новую информацию о временной локализации действия.

32) „Eine Überwachung Amris durch das Bundesamt für Verfassungsschutz, wie Sie es gerade nahegelegt haben – *etwa mit nachrichtendienstlichen Mitteln* –, fand zu keiner Zeit statt.“ (214 Sitzung. S. 21428)

В примере 36 парентетическое включение содержит косвенное указание на производителя действия (сотрудник службы информации).

Иногда информация, представленная в содержательной парентезе, может считаться столь же важной, как и информация, отражаемая в основной части высказывания.

33) „Das Sicherheitsabkommen mit Ägypten – analog Tunesien – sieht vor, dass die Zusammenarbeit der Vertragsparteien in allen Bereichen nach den Maßgaben ihres jeweiligen innerstaatlichen Rechts erfolgt.“ (220 Sitzung. S. 22021)

В основной части высказывания упоминается Египет, во вставке – Тунис. Вероятно, можно говорить о том, что на первом плане остается Египет, но совсем рядом по степени важности находится и Тунис. Наречие *analog*, как и во многих других случаях наречие *auch* маркирует добавочный характер сообщения.

Содержательные парентезы могут включать также и элементы, отражающие модальную характеристику.

34) „Tatsächlich haben wir – und das ist für die Fach- und Dienst auf sicht ganz selbstverständlich – beim BND nachgefragt, was zu dem, was im Spiegel steht, zu sagen ist.“ (220 Sitzung. S. 22017)

В данном случае парентеза привносит новую важную в смысловом плане информацию о типах надзора и, в тоже время, содержит оценочный элемент *ganz selbstverständlich*.

2.3.3.1.1. Конкретизирующие содержательные парентезы

Разновидностью содержательной парантезы можно считать и включения, поясняющие или конкретизирующие смысл лексической единицы основного предложения.

35) „Ehrlich gesagt verstehe ich Ihre Argumentation nicht ganz; denn Ihr Ministerium und Ihre Ministerin stellen fest, dass der Betrieb von Tihange 2 – das ist der Reaktor mit den Rissen – nicht sicher ist und er in Deutschland so nicht betrieben werden dürfte.“ (227 Sitzung. S. 22802)

В данном случае это характеристика и идентификация объекта *Tihange 2 – das ist der Reaktor mit den Rissen*.

36) „Erkenntnisse zu Amri wurden be- und ausgewertet sowie im Rahmen des GTAZ erörtert, wie ich und andere Kollegen – unter anderem auch im Rechtsausschuss – das ja schon vorgetragen haben.“ (214 Sitzung. S. 21428)

Пояснение в этом случае касается словосочетания *andere Kollegen*. Это депутаты, работающие *в том числе, и в Юридической комиссии*.

Конкретизации может подвергаться и то содержание, которое заключено в местоимении.

37) „Es ist richtig, dass wir im Ergebnis – es geht nicht allein um den in meinem Haus verantworteten Gesetzentwurf, sondern um den von drei Ministern unterzeichneten Abschlussbericht des Pharmadialogs –eine Umsatzschwelle vorgesehen hatten.“ (220 Sitzung. S. 22013)

Местоимение *wir* представляет собой инклюзивную форму, указывает на ряд производителей действия, одним из которых является говорящий. Парентеза содержит указание на лиц, участвовавших в создании порога

товарооборота.

38) „Wenn nun der eine oder andere erklärt, dass dies schon aus formellen Gründen in dieser Legislaturperiode vielleicht nicht mehr klappen könne, halte ich ihm entgegen: Wenn wir etwas gewollt haben – Hilfe für Menschen, für Europa, für unsere Freunde in Griechenland –, dann haben wir in diesem Hohen Haus in weit kürzerer Zeit Mehrheiten organisieren, Gesetzesentscheidungen treffen und Gesetze beschließen können.“ (220 Sitzung. S. 22041)

Неопределенное местоимение etwas обладает чрезвычайно широким значением. Парентеза в данном случае не просто конкретизирует значение местоимения, а скорее приводит пример того, чего можно желать, а именно, *оказать помощь людям, Европе, друзьям в Греции.*

2.3.3.1.2 Содержательные парентезы-отсылки

Особую группу смысловых вставок образуют отсылки к уже сказанному или уже зафиксированному.

39) „Insgesamt gewährt die Bundesregierung im Moment – gesetzlich verankert – jedes Jahr umweltschädliche Subventionen im Umfang von 52 Milliarden Euro.“ (211 Sitzung. S. 21145)

В данном случае уточняется законодательная составляющая, то, что зафиксировано в законе.

40) „Wir müssen endlich – das habe ich bei der letzten Debatte schon angesprochen – gegen die Tötung trächtiger Tiere vorgehen und auch den Pelztierfarmen den Kampf ansagen.“ (212 Sitzung. S.21213)

Вставка – *das habe ich bei der letzten Debatte schon angesprochen* – имеет двойную функцию. Смысловая составляющая – это отсылка к прошлому, ретроспекция. Модальная функция становится очевидной, исходя из общего содержания основного предложения (*Wir müssen endlich*).

41) „Damit blockiert er die Strecke für nachfolgende Züge – das wurde schon gesagt –, und die Streckenkapazität wird dadurch erheblich eingeschränkt.“ (228 Sitzung. S. 22865)

Напоминание о том, что ранее этот вопрос уже обсуждался, создает

ретроспективу.

Характерным для парентез-отсылок является использование наречия *schon* как дискурсивного маркера ретроспекции.

Среди обнаруженных нами содержательных парентез, при всем разнообразии возможных вариантов, можно выделить группу конкретизирующих и группу парентез-отсылок. Конкретизация, как правило, касается понятий, обозначенных в основном тексте именами существительными или местоимениями. Для парентез-отсылок характерно использование таких дискурсивных маркеров, как наречия *schon* и *auch*.

2.3.3.2 Модальные парантезы

Число модальных парантез, встретившихся нам в парламентских дебатах относительно невелико (по сравнению, например, с отсылками к уже ранее сказанному). Но именно они представляют особый интерес для исследователя.

2.3.3.2.1 Модальные парантезы категоричности

В нашей выборке есть парантезы, усиливающие категоричность основного высказывания.

42) „Denn – ich sage das einmal deutlich – wir können nicht hier in Berlin immer die Verkehrswende fordern und dann vor Ort zur Speerspitze der Bürgerproteste werden.“ (207 Sitzung S. 20703)

43) „Ich habe auch an anderer Stelle schon gesagt – das ist eben ein Ausdruck des Ganzen –, dass die Große Koalition – letztlich mit den Ländern – hier ein großes Reformprojekt eben nicht auf den Weg gebracht hat.“ (218 Sitzung S. 21770)

В первом случае – ich sage das einmal deutlich – категоричность, бескомпромиссность говорящего проявляется особенно ярко. Во втором случае модальную функцию выполняет слово-выделитель *eben* – *это как раз всеобщее мнение*.

Абсолютная уверенность говорящего в своей правоте выражена и в следующем примере.

44) „Ich kann Ihnen aber zweierlei sagen: Wir werden zum einen die dafür vorhandenen parlamentarischen Gremien unterrichten – das ist selbstverständlich –, und zum anderen bin ich gerne bereit, Ihnen eine eingestufte Antwort über die Geheimschutzstelle des Deutschen Bundestages zur Verfügung zu stellen.“ (220 Sitzung. S. 22017)

И в этом случае также говорящий апеллирует к общему мнению: *das ist selbstverständlich*.

Уверенность говорящего в том, что он утверждает, может быть выражена прямо и косвенно.

45) „Sie wissen, wie alle hier im Raum – das betone ich noch einmal –, dass sich der Journalist Yücel freiwillig gestellt hat.“ (220 Sitzung. S. 22016)

Глагол *betonen* является прямым указанием на полную убежденность выступающего. Косвенным указанием является упоминание о повторном характере действия (*noch einmal*)

2.3.3.2.2 Модальные парентезы-выделители

К модальным парентезам относятся и ссылки на мнение говорящего.

46) „Wir sind uns, glaube ich, alle einig, dass das nicht die einzige Maßnahme ist.“ (220 Sitzung. S. 22011)

47) „Hier ist, denke ich, das Wichtigste, dass die jeweils zuständigen Behörden angemessen mit Personal ausgestattet sind, damit fristgerecht entschieden werden kann.“ (220 Sitzung. S. 22011)

Во всех трех приведенных примерах парентезы отделяются запятыми. Выступая в парламенте, депутат выражает свою точку зрения. В информативном плане вставки *я думаю, я полагаю* не приносят ничего нового. Такого рода парентезы придают тексту диалогический характер и делают более рельефными утверждения выступающего. Таким образом, они служат средством выделения своего мнения, а, возможно, и противопоставления его мнению оппонента, высказанному или нет. Подобные вставки соотносятся со всем предложением или высказыванием в целом.

2.3.3.2.3 Модально-оценочные парантезы

Модально-оценочные парантезы часто выражают иронию.

48) „Frau Kollegin, vielen Dank für die Möglichkeit zur Zwischenfrage. – Sie sagten, dass die Videoüberwachung von Herrn Amri – er hat hämisch in die Kamera gegrinst – zu keinem Erfolg geführt hat.“ (216 Sitzung. S. 21655)

Парантеза дает представление о стиле поведения депутата. И глагол, и сопровождающее его наречие обладают ярким лексическим значением – *er hat hämisch in die Kamera gegrinst*. Оценочный компонент в данном случае доминирует.

Модальные и модально-оценочные парантезы обладают большой выразительностью. Они отражают отношение говорящего к событиям, фактам, лицам. В такого рода вставках часто присутствуют яркие лексические единицы. Одной из функций модально-оценочных парантез является функция выделения.

2.3.3.3 Конативные парантезы

Следует отметить, что парантетические вставки, как и все выступление в целом, ориентированы на воспринимающую аудиторию. Вставки-отсылки, прямо указывающие на диалогический характер коммуникации, по своей функциональной направленности тяготеют к конативным парантезам. Формальным основанием причислить их к этому разряду может быть наличие местоимения, прямо указывающего на адресата речи.

49) „Bei der Ertüchtigungsinitiative – das habe ich Ihnen jagesagt – geht es um die Sicherung der Grenze zu Libyen, die Grenzpolizei und den Polizeiaufbauallgemein.“ (220 Sitzung. S. 22020)

Присутствие местоимения *Ihnen* свидетельствует о том, что контакт между коммуникантами уже был установлен.

50) „Ich kündige schon jetzt an – darauf können Sie sichverlassen –: Sie haben noch bis zum 26. April dieses Jahres Zeit.“ (220 Sitzung. S. 22040)

В данном случае присутствует прямое обращение, парантеза как бы

«открывает диалоговое окно».

К конативным парантезам можно также отнести вставки, в которых нет прямого обращения к какому-либо депутату, но содержится ссылка на его действия или его точку зрения.

51) „Das ist nach meiner Kenntnis nicht der Fall. Es ist vielmehrso – das ich auch der Abgeordneten Renner gesagt –, dass wir habe, nachdem wir das gehört haben, beim BND nachgefragt haben und die entsprechenden parlamentarischen Gremien darüber unterrichten werden.“ (220 Sitzung S. 22018)

Депутат Реннер присутствует на заседании. Осведомленность фрау Реннер в обсуждаемых вопросах придает большую убедительность доводам выступающего.

В нашем языковом материале не присутствуют конативные парантезы, прямо призывающие к совершению каких-либо действий. Вероятно, это закономерно, поскольку призыв, побуждение, как правило, реализуются в основном содержании выступления и не отходят на второй план.

2.3.4 Позиции, занимаемые парентетическими включениями в основном предложении

Парентетические включения, как это уже отмечалось, могут занимать любую позицию, вклиниваясь в основное предложение.

52) „Deshalbist es umso wichtiger, dass wir bei dieser Debatte einen kühlen Kopf bewahren, zwar eine hitzige, aber auch eine, wie ich finde, sachlich gerechtfertigte Debatte führen.“ (220 Sitzung.S. 22037)

В данном случае модальная парантеза разрывает именную синтагму, стоит после артикля перед именем существительным и определяющими его словами, перед рематической частью высказывания. Модальные парантезы часто привлекают внимание к тому, что будет произнесено.

53) „Sechs Monate vor der Wahl Wahlkampfmanöver zu fahren, mit der Einberufung des Koalitionsausschusses zu taktieren und den Bruch der Koalition anzudrohen, das, glaube ich, sollte nicht der Stil am Ende der Großen Koalitionsein.“ (220 Sitzung. S. 22039)

Модальная парентеза находится в предложении после подлежащего перед модальным глаголом, акцентируя мысль говорящего.

Парентетическая вставка может, в функциональном плане, быть сосредоточена исключительно на выделении ремы.

54) „Noch einmal: Ob es 80, 70 oder 83 Prozent sind, es gibt viele, die damit ein Problem haben, die sagen: Nein, Ehe und Familie – jetzt komme ich sozusagen zum Kernder 49er-Diskussion – stehen unter dem besonderen Schutz des Staates.“ (220 Sitzung. S. 22038)

Парентеза настраивает слушателей на восприятие важной информации. Имя существительное *Kern* прямо указывает на то, что главная мысль сейчас будет озвучена.

Содержательные парантезы чаще всего поясняют или развивают какой-либо элемент содержания, отраженный в предыдущей части основного предложения.

55) „Ich sage aber: Ich akzeptiere es – hier haben Sie mich voll an Ihrer Seite – wenn jemand in diesem Hohen Hause oder in diesem Lande sagt, dass er aus Gewissens gründen, seinem persönlichen Gewissen folgend, eine bestimmte Entscheidung – zum Beispiel für die Ehe für alle – nicht mittragen kann.“ (220 Sitzung. S. 22041)

В приведенном примере присутствуют две парентетические вставки. Обе парантезы имеют ретроспективную направленность. В первом случае детализируется позиция говорящего по обсуждаемому вопросу, а его согласие отражено в непосредственно предшествующей части предложения, синтаксически не связанной с вставкой. Во втором случае пояснение присутствует в виде конкретного примера. Парентеза вклинивается в завершающую часть предложения, стоит после подлежащего, с которым ее содержание связано в смысловом плане.

Содержательная парентетическая вставка может стоять перед рематической частью предложения.

56) „Ich finde aber, dass man das irgendwann einmal – ich mache das hier seit 1998–hinbekommen muss; und ich würde das gerne in dieser Legislaturperiode hinbekommen.“ (220 Sitzung. S. 22036)

57) „Es ist zunächst vorgesehen, dass es bei den sogenannten verkammerten Berufen – kurz gesagt betrifft dies auch Ärztinnen und Ärzte –eine Kenntnisprüfung geben muss.“ (220 Sitzung. S. 22012)

В первом примере то, чем занимается выступающий с 1998 года, отражено в части основного предложения, следующей за парентезой. Во втором примере уточнение касается представителей, как мужского, так и женского пола, одной из профессий и вводится специальным коннектором переформулирования. И в том, и в другом случае парентеза предваряет рематическую часть.

Конативное парентетическое включение может предшествовать той части основного предложения, с которой оно связано по смыслу.

58) „Ich kündige schon jetzt an – darauf können Sie sich verlassen –: Sie haben noch bis zum 26. April dieses Jahres Zeit.“ (220 Sitzung. S. 22040)

То, на что можно рассчитывать, отражено в основном предложении после вставки. Парентеза может быть перенесена в позицию за глаголом *haben*, тогда она вновь оказывается в препозиции по отношению к рематической части основного предложения. Но возможно и ее перемещение в конец предложения, в позицию после рематической части.

Итак, позиция, занимаемая парентезами по отношению к основному предложению, в синтаксическом плане может варьироваться в широких пределах. Парентеза способна разрывать именную группу, но чаще всего парентетическое включение занимает позицию непосредственно перед сказуемым.

С точки зрения актуального членения предложения, общая тенденция заключается в том, что парентеза предшествует реме. Представляя собой паузу в отношении главного плана повествования, парентеза придает большую рельефность следующей за ней реме основного предложения.

В плане структуры в роли парентез могут выступать словосочетания, состоящие из двух или из нескольких слов (*meist unauffällig* и др.), поясняющие

какой-либо элемент основного предложения, простые предложения, среди которых встречаются нераспространенные (*glaube ich* и др.) и более протяженные (*Kollege Nouripour hat das unterstrichen*), но имеющие простую структуру.

Встречаются также парентезы, имеющие форму сложноподчиненного предложения с придаточными относительными и обстоятельственными.

Из трех выделенных по семантико-прагматическому принципу типов парентетических включений наиболее многочисленную группу примеров составили содержательные парентезы. Они разнообразны по лексическому наполнению, в синтаксическом плане среди них представлены все типы описанных грамматических конструкций, от словосочетаний до сложных предложений.

В этой группе выделяются конкретизирующие парентезы, раскрывающие содержание какого-либо элемента основного предложения. Как правило, речь идет о понятии, явлении, лице, представленном именем существительным или местоимением (личным или неопределенным).

Еще одна особая группа содержательных парентез представлена парентетическими включениями-отсылками к ранее сделанному или сказанному, а также зафиксированному в виде законов и постановлений. В такого рода парентезах особая частотность характерна для дискурсивных слов *schon* и *auch*.

Модальные парентезы представлены двумя видами вставок: чисто модальными и модально-оценочными. Были выделены парентезы, подчеркивающие категоричность основного высказывания и парентезы-выделители. Такого рода парентезы придают тексту диалоговый характер и делают более рельефными утверждения выступающего. Они служат средством выделения своего мнения (*glaube ich*) и, как правило, соотносятся со всем предложением или высказыванием в целом.

Модально-оценочные парентезы обладают особенно высокой выразительностью. Они отражают отношение говорящего к событиям, фактам,

лицам. В такого рода вставках часто присутствуют яркие лексические единицы.

Конативные парентезы представлены в нашем языковом материале вставками, содержащими прямое обращение к присутствующим в зале заседаний или упоминание о лицах, присутствующих на заседании и имеющих отношение к обсуждаемому вопросу.

2.4.Экскламативные предложения как средство речевого воздействия в парламентских дебатах

2.4.1.Лингвистическая категория «восклицание».

Лингвистическая категория «восклицание» включает предложения, обладающие сильной эмоциональной окраской, на письме они выделяются с помощью восклицательного знака: „Der Ausruf ist die Feststellung eines Sachverhalts in Form einer spontanen Gefhlsuerung“ [Griesbach, Schulz, 1967: 296]. Для экскламативных предложений характерным является выражение экспрессии. По коммуникативной целеустановке они охватывают все три выделяемых по этому принципу типа: повествовательные, вопросительные, побудительные [Кострова,2004: 153].

Акцентируя эмоции говорящего, восклицательные предложения способствуют мобилизации внимания реципиента. Они обладают воздействующей силой. Для экскламативных предложений отмечается особая роль интонации, специфичность которой придает им дополнительную сему оценочности [Riesel, Sehendels,1975: 157].

Характерным для парламентских дебатов является использование восклицательных предложений в качестве достаточно коротких реплик с места, прерывающих основное выступление. Однако и в речи выступающих с докладами можно найти примеры использования экскламативных структур.

59) „Marian Wendt(CDU/CSU): Immer mehr Stellen im Sozialbereich, immer wieder mehr Geld!“

60) „(Özcan Mutlu (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): Es geht nicht nur um Geld!“
(218 Sitzung. S. 21838)

Речь идет о выделении финансирования на социальные нужды. Обстановка накаляется. Полемика перерастает в спор, в котором каждый продолжает отстаивать свое мнение. Приводя очередной аргумент, выступающий выбирает краткую и выразительную структуру высказывания, не включающую глагольного элемента, и облекает ее в форму восклицательного предложения. Реплика с места также представляет собой восклицательное предложение.

Еще один пример восклицательного предложения в тексте выступления депутата:

61) „Roland Claus (DIE LINKE): Wir haben bereits mehrfach betont: Die Mittel für Schulsanierungen sind gut angelegtes Geld. Deshalb bleibt es auch bei der Zustimmung. Wir sagen ganz klar: besser die Mittel für Bildung als für Aufrüstung ausgeben!“ (218 Sitzung. S. 21880)

Депутат от Партии левых готовит аудиторию к восприятию важной информации (*Мы предельно ясно заявляем*), далее следует восклицательное предложение с глаголом в форме инфинитива, интонационно акцентирующее позицию представителей партии.

2.4.2. Функционирование экскламативных предложений в качестве реплик с места.

Можно привести и другие примеры использования докладчиками экскламативных предложений, однако очевидно, что наиболее ярко категория экскламативности проявляет себя в репликах с места. Говорящий не всегда имеет доступ к микрофону, поэтому ему необходимо повысить голос, чтобы его услышали. Но реплики с места и сами по себе обладают повышенной эмоциональностью. В коммуникативном плане с места звучат вопросы или утверждения-оценки. Так, речь депутата от Партии левых Томаса Лютце (Thomas Lutze), критикующего действия властей, комментируется депутатом Бернхардом Далдрупом (Bernhard Daldrup) (SPD):

62) „Haben wir noch nie gemacht!“ (218 Sitzung. S. 21846)

Представитель социал-демократической партии с возмущением утверждает, что никаких действий предпринято еще не было. Особый порядок слов, свойственный экскламативным предложениям, с глаголом на первом месте и инверсией подлежащего придает высказыванию аффективный характер. Отметим также наличие частицы *noch*, усиливающей выразительность высказывания.

Активно комментируется выступление депутата Ирен Михалик (Irene Mihalic, BÜNDNIS 90/DIEGRÜNEN), ее коллега Мариан Вендт (Marian Wendt, CDU/CSU), принадлежащая к правящей коалиции, с большой дозой иронии реагирует на утверждение об отсутствии общенациональной стратегии.

63) „Natürlich! Alles sei in Prinzip immer noch Kraut und Rüben.“ (218 Sitzung. S. 21837)

Реплика состоит из восклицательного предложения, которое, будучи произнесенным с определенной интонацией, выражает несогласие. Затем следует предложение с глаголом в конъюнктиве, содержащее яркую метафору. Данный пример иллюстрирует мысль о том, что «предложения-реакции в большинстве своем имплицитно отрицают эмоциональное отрицание» [Кострова, 2004: 144].

Следующая реплика Мариан Вендт в форме экскламативного предложения состоит из прилагательного, сопровождаемого двумя интенсификаторами.

64) „(Irene Mihalic, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN):...und bis heute hat die Bundesregierung nichts unternommen, um daran irgendetwas zu verändern. (Marian Wendt(CDU/CSU): Erkennbar und nachweisbar falsch!)“ (218 Sitzung . S. 21837)

М. Вендт дает прямую оценку утверждению своего политического оппонента о том, что правительство не приняло мер, чтобы изменить существующее положение дел. Эллиптическое предложение в яркой

компактной форме передает реакцию депутата. М. П. Брандес отмечает, что эллипсис является «продуктивным средством языковой экономии» [Брандес,1983: 101].

Столь же бурную реакцию вызывает выступление самой Мариан Вендт. По ходу ее речи и ответов на вопросы зафиксировано шестнадцать реплик с места. В основном комментарии исходят от Партии зеленых. Активность проявляют три представителя этой партии. Две реплики слышатся со стороны Партии левых.

2.4.2.1. Побудительные эксclamативные предложения

Все реплики носят полемический характер. В структурном плане они весьма разнообразны. Только в одном случае в конце предложения стоит вопросительный знак, все остальные реплики имеют форму восклицательного предложения. Уже на этом фрагменте текста дебатов прослеживается разделение реплик на императивные и оценочные. Волеизъявление выражается как формами повелительного наклонения, так и модальными глаголами, за которыми следует дополнительное придаточное.

65) „(Özcan Mutlu (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): Lesen Sie erst einmal unseren Antrag!“ (218 Sitzung . S. 21838)

66) „(Özcan Mutlu [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Lesen Sie erst einmal unseren Antrag! Er ist im Übrigen in Deutsch geschrieben und nicht auf Arabisch!“ (218 Sitzung . S. 21839)

67) „(Steffi Lemke [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Wir wollen, dass die Strategie funktioniert!“ (218 Sitzung. S. 21838)

Для побудительных предложений эксclamативность является средством усиления императивного характера высказывания. В примерах 69 и 70 волеизъявление направлено непосредственно на производителя действия. Депутат Мутлу настойчиво советует ознакомиться с предложениями партии зеленых, отпуская при этом едкое замечание, содержащее аллюзию, в адрес

своих политических оппонентов. В примере 71 волеизъявление носит опосредованный характер.

Восклицательные реплики с места представлены предложениями и словосочетаниями различного типа, которые могут восприниматься как реплики в диалоге (полилоге), ведущемся в стенах Бундестага. Уже по самой своей природе, принимая во внимание стремление какого-либо депутата непосредственно прореагировать на слова докладчика, эти реплики обладают повышенной эмоциональностью и не случайно оформляются в тексте протокола в форме восклицательных предложений.

Отметим, что импульс к совершению действия может подаваться и иными средствами. В протоколах заседаний неоднократно встречается характерная именно для такого рода обмена мнениями реплика, состоящая из одного слова и произносимая на повышенном тоне: *Genau!* (21862, 21873) Волеизъявление выражается эллиптированным предложением в предельно краткой форме. Призывы прекратить выступление, состоящие из одного наречия, являются специфическим, в частности для парламентских дебатов, типом императивных конструкций.

2.4.2.2. Оценочные экскламативные предложения

Оценочные предложения экскламативного типа также достаточно разнообразны по своему составу. Среди них значительное место занимают эллиптические предложения.

68) „Reiner Spiering (SPD):(Beifall beider SPD – Bärbel Höhn [BÜNDNIS 90/DIEGRÜNEN]:Ist aber noch lange hin!)

–Naja, eine gute Sache braucht gelegentlich viel Zeit und eine gute Vorbereitung; darauf komme ich noch zu sprechen.“

69) „(Bärbel Höhn BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): In der Zwischenzeit geht das ganze Nitrat ins Wasser! – Gegenruf von der CDU/CSU: Billig!“ (218 Sitzung. S. 21868)

Из сектора депутатов правящей коалиции исходит общая отрицательная реакция, выраженная одним словом.

Реплики, состоящие из одного слова, могут выражать отношение к какому-либо явлению или к реакции коллеги на это явление:

70) „Schade!“ (218 Sitzung. S. 21880)

Говорящий выражает свое отношение к сообщаемому факту.

Следует отметить относительно редкое присутствие одобрительных реплик с места, облеченных в форму восклицательного предложения. Это связано, вероятно, с тем обстоятельством, что депутаты выражают свое одобрение аплодисментами. Нам удалось, однако обнаружить несколько таких реплик:

71) „Offenkundig!“ (218 Sitzung. S. 21856)

72) „So ist es!“ (218 Sitzung. S. 21843)

Этот последний случай интересен особым порядком слов, характерным для экскламативных предложений.

Оценочность может проявлять себя в сравнительной конструкции или в метафорическом употреблении лексических единиц.

73) „(Özcan Mutlu [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Sie haben keine Ahnung, wovon Sie reden! Sozialarbeit ist kein Stuhlkreis!)“ (218 Sitzung. S. 21839)

73) „(Susanna Karawanskij [DIE LINKE]: Ganz dünnes Eis!)“ (218 Sitzung. S. 21839)

Реплика состоит из двух предложений. Во втором отрицается сходство труда на благо общества с мирным обсуждением повседневных.

Пример 78 соответствует выделяемым О.А.Костровой моделям «оценочных экскламативов с именным сказуемым, в которых оценка заложена в предикативе. Сокращенный вариант модели содержит только оценочный предикатив». [Кострова, 2004: 141] (см. пр-ры ...falsch!; ...Billig!). В данном случае используется сокращенный вариант модели, то есть эллиптическое предложение. Однако оценка осуществляется посредством метафоры, приобретающей особую рельефность в составе экскламативного предложения.

Еще один пример оценочного предикатива:

74) „Dr. Tobias Linder (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): Ich will einen letzten Punkt nennen. Wir haben auch deswegen den Überschuss im Haushalt, weil es unserem Land wirtschaftlich, was die Wachstumszahlen betrifft, ganz gutgeht. (Alois Karl (CDU/CSU): Freilich! Sehr gut!“ (218 Sitzung. S. 21882)

Депутат, принадлежащий правящей коалиции, на первый взгляд дает положительную оценку действиям своих политических оппонентов, однако общая ситуация, политический контекст не допускают такого толкования его реплики с места. Восклицательный знак, указывающий на эмотивный характер высказывания, наличие наречия категорической достоверности в начале реплики заставляют воспринимать это высказывание в ироническом плане. И в этом случае можно говорить об имплицировании «эмоционального отрицания» [Кострова, 2004: 144].

Реплики с места могут отражать отношение депутатов не только к выдвигаемым предложениям и идеям, но и к самим докладчикам. По свидетельству авторов словаря *Historisches Wörterbuch der Rhetorik* в недавнее время в Бундестаге можно было услышать оскорбительные реплики депутатов в адрес их коллег „Quatschkopf!“; „Schweinbande! Mörderbande!“; „Sie sind Schwein, wissen Sie das?“ [*Historisches Wörterbuch der Rhetorik*: 1953] Однако в протоколах, изученных нами, прямых оскорблений, использования грубой лексики отмечено не было. Авторы словаря утверждают, что в 70-е годы 20 века депутаты Бундестага вели себя корректно, и даже после такой реплики, как „Dummes Geschwätz!“ председательствующий призывал присутствующих к порядку. [*Historisches Wörterbuch der Rhetorik*: 1953]

2.4.2.3. Эмотивно ориентированные экскламативные предложения.

Термин «эмотивно ориентированные экскламативы» используется в данной работе по отношению к конструкциям, главным предназначением которых является выражение эмоций, а не оценка или волеизъявление. Эмотивно ориентированные конструкции не являются чисто эмотивными, к которым, как известно, относят междометия и инвективы. С другой стороны,

все экскламативные предложения эмотивны по своей природе, поэтому используемый нами термин является условным и применим только в рамках данного исследования.

Следует отметить, что большое количество реплик с места, заканчивающихся восклицательным знаком, приобретают определенную выразительность в основном благодаря этому знаку препинания, маркирующему повышение тона, а значит и выделение реплики в потоке речи.

75) „(Özcan Mutlu (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): Sie haben den Antrag leider nicht gelesen!“ (218 Sitzung. S. 21839)

В данном случае только наречие *leider* маркирует отношение говорящего к сообщаемому факту. Восклицательный знак делает более рельефной эмотивную составляющую предложения.

В нашем корпусе примеров присутствуют экскламативные реплики с места, выражающие высокую степень эмоционального настроения депутатов.

76) „(Irene Mihalic [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Nein, ganz sicher nicht!)“ (218 Sitzung. S. 21838)

Несогласие с выступающим, полное неприятие его идей выражено в самой яркой форме.

77) „Ja, stimmt doch!“ (218 Sitzung. S. 21858)

В этом случае депутат выражает абсолютное согласие с выступающим.

78) „(Özcan Mutlu [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Das hätten Sie gerne!)“ (218 Sitzung. S. 21838)

Предложение отражает целую гамму чувств депутата Мутлу. Особый порядок слов с прямым дополнением в начале предложения, глагол в конъюнктиве придают реплике большую выразительность.

Особый порядок слов, свойственный экскламативным предложениям, представлен также моделью, в которой начальную позицию занимает косвенное дополнение.

79) „(Irene Mihalic [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Über die Fußfessel und den Islam reden wir noch!“ (218 Sitzung. S. 21838)

Ирен Михалик выражает досаду и недовольство темой выступления.

Еще раз отметим важную роль частиц, входящих в состав восклицательных предложений.

80) „(Irene Mihalic [BÜNDNIS 90/DIE GRÜ NEN]: Oh, jetzt bin ich mal gespannt!)“ (218 Sitzung. S. 21838)

Реплика носит иронический характер. В начале предложения после междометия стоит наречие. Частица *mal* повышает экспрессивность всего высказывания.

Среди самых коротких восклицательных реплик с места можно привести

81) „Ah, nein!“ (218 Sitzung. S. 21858),

82) „Ja!“ (218 Sitzung. S. 21858)

Выражение согласия или несогласия путем голосования или в ходе дебатов представляет собой важный аспект деятельности депутатов, которым необходимо в наиболее яркой, категоричной форме представить свою позицию. Отметим также, что присутствие междометий также придает высказываниям дополнительную выразительность.

В.М. Зинченко «к специфическим особенностям эмотивной речи в немецком языке» относит, в том числе, и «наличие предельной краткости или незавершенности предложений» [Зинченко, 2012: 55].

2.4.3. Обращения-восклицательные

Восклицательными могут быть и обращения. В данной работе обращению посвящен отдельный параграф. Отметим вслед за О.А.Костровой, что «произнесенное с восклицательной интонацией, оно воздействует намного сильнее» [Кострова, 2004: 141].

83) „Karl-Georg Wellmann (CDU/CSU):Herr Präsident! Meine Damen und Herren!“ (218 Sitzung. S. 21858)

84) „Dr. Fritz Felgentreu (SPD): Herr Präsident! Meine Damen und Herren!“ (218 Sitzung . S.21859)

Помимо выполнения фатической функции (обращения звучат в начале выступления и служат в данном случае знаком вступления в контакт),

обращения, произнесенные с восклицательной интонацией, свидетельствуют о том, что идет оживленная дискуссия. Докладчик настроен на конфронтацию мнений, он готов отстаивать свою точку зрения. И действительно, в Бундестаге обсуждается животрепещущий вопрос отношений с Россией, по которому мнения депутатов резко расходятся.

Итак, основной сферой использования экскламативных предложений в ходе парламентских дебатов являются реплики с места, которые могут состоять из одного или двух (реже, нескольких) предложений.

Распространенной моделью являются эллиптические предложения, сохраняющие предикативную часть своей структуры.

Наибольшим экспрессивным потенциалом обладают экскламативные предложения с инвертированным порядком слов, в которых начальную позицию занимает глагол, прямое или косвенное дополнение или обстоятельство.

Важным элементом структуры экскламативных предложений являются частицы, придающие дополнительную выразительность высказыванию.

Экскламативные предложения, используемые в качестве реплик с места в Бундестаге, могут быть побудительными, оценочными по своей функции или отражающими в основном эмоциональную реакцию депутатов.

2.5. Риторический вопрос как средство речевого воздействия в парламентских дебатах

2.5.1. Риторический вопрос как фигура речи

При определении сути такого явления в языке, как риторический вопрос, исследователи обычно выдвигают на первый план свойство этой фигуры речи «привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон» [Ахманова, 1969: 85]. И. В. Арнольд утверждала, что «так называемые риторические вопросы служат эмфатическим утверждением» [Арнольд, 2002: 116]. Выступая в своей вторичной функции, вопросительное высказывание не имеет целью получение информации, а используется как «эффективная фигура диалогизации монологической речи, служащая для смыслового и

эмоционального выделения ее смысловых центров, для формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи, а также для представления адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства)» [Михальская, 1996: 240 – 241]. Т. А. Сергеева в отношении риторического вопроса-реакции местоименного типа в диалогической речи отмечает, что «риторический вопрос, это прежде всего ситуация ухода от прямого ответа» [Сергеева, 1993: 7]. А. Р. Сабержанова и В. Ф. Белова считают, что риторический вопрос используется в речи и, в частности в политическом дискурсе, «не как вопрос, а как суждение» [Сабержанова, Белова, 2017: 102]. Таким образом, для этой фигуры речи все исследователи отмечают ее неинтеррогативное употребление.

Сферой употребления риторических вопросов, является прежде всего ораторская речь. И.Р.Гальперин объясняет это тем обстоятельством, что «риторический вопрос все же не теряет признаков вопроса. Можно сказать, что в риторическом вопросе реализуются два синтаксических значения одновременно: значение вопроса и значение утверждения» [Гальперин, 1958: 217]. Очевидно, что такое сочетание придает данной фигуре речи выразительность.

Риторические вопросы отличаются разнообразием в структурном плане. Структурный принцип лежит в основе классификации, учитывающей особенности построения риторического вопроса.

Как косвенные речевые акты данные фигуры речи тоже могут быть разделены на группы в зависимости от наличия или отсутствия ответа на заданный вопрос со стороны самого говорящего. Некоторые исследователи предлагают рассматривать риторические вопросы, «которые посредством «обратной констатации» выражают суждение-ответ» в качестве собственно-риторических, а вопросно-ответные единства, где говорящий задает вопрос и сам на него отвечает - в качестве несобственно-риторических [См.: Кильмухаметова, 2006: 79].

Таким образом, риторический вопрос – это фигура речи, представляющая собой вопрос, ответ на который известен заранее. «При этом положительные

конструкции содержат скрытое имплицитное отрицание, отрицательные – утверждение» [Кильмухаметова, 2006: 79]. Или это вопрос, на который даёт ответ сам спросивший, «чтобы привлечь внимание слушающих к своему сообщению» [Кильмухаметова, 2006: 79].

2.5.2. Собственно-риторические вопросы

Для собственно-риторических вопросов, ответом на которые является подтверждение или отрицание высказанной мысли, характерно наличие в их составе модальных глаголов.

85) „Eine bundesweite Präventionsstrategie – wer könnte etwas dagegen haben, gerade nach dem schrecklichen Terroranschlag in Berlin?“ (218 Sitzung. S. 21841)

86) „Wie kann ein Mensch ohne Empathie überhaupt verstehen, was sein Gegenüber will? Wie kann er in seinem eigenen Inneren zu der Idee der Religionsfreiheit stehen? Wie kann er zu unserer Verfassung stehen, wenn er keine Möglichkeit hat, sich in andere Menschen, Gruppen und Gesellschaften überhaupt einzufühlen?“ (218 Sitzung. S. 21845)

В приведенных примерах в речи депутатов звучит глагол *kennen* в утвердительной форме (в первом случае в конъюнктиве, во втором – в индикативе). В примере 90 используется вопросительное местоимение *wer*, в примере 91 – вопросительное слово *wie*. Ответом на первый вопрос будет: *Niemand*, на второй : *Er kann das nicht*.

Отметим еще раз, что желание достичь наибольшей силы убеждения побуждает выступающих сочетать в своей речи различные средства выразительности. Так в примере 91 наблюдается анафорический повтор.

Собственно-риторический вопрос может строиться по той же модели, что и вопрос, направленный на выяснение причины происходящего.

87) „Sie fordern aber, dass die Kosten nur noch bedingt auf den Mieter umgelegt werden dürfen. Das mag in den Ohren eines Mieters erst einmal gut klingen. Aber warum sollte ein Vermieter diese Sanierung durchführen? Wie soll er sich diese leisten können?“ (218 Sitzung. S.21873)

Два следующих друг за другом риторических вопроса отделяются от предшествующей части высказывания противительным союзом, наличие которого уже свидетельствует о несогласии выступающего с действиями властей. Сочетание вопросительных слов *warum* и *wie* с глаголом долженствования позволяет вычленимь имплицитное отрицание.

Собственно-риторический вопрос, вводимый вопросительным словом *warum*, может не содержать модального глагола.

88) „Und: Warum erhält genossenschaftliches Wohnen, das nicht profitorientiert ist, nicht zusätzliche Förderung für energetische Sanierung? Das wäre es doch! (Beifall bei der LINKEN) Warum sind weitere ordnungsrechtliche Vorgaben im Wärmebereich so verpönt – wir haben es ja wieder gehört –, obwohl sie doch in anderen Ländern erfolgreich sind? Ich sage Ihnen, Frau Gundelach: „Sozial gerecht“ heißt dann „sozial und ökologisch“, und das wollen wir für alle Menschen erreichen.“ (218 Sitzung. S. 21875)

В первом риторическом вопросе присутствует скрытое утверждение, то есть отрицание отрицания. Второй риторический вопрос имеет сложную структуру. Кроме уступительного придаточного, которое содержит аргумент в защиту мнения выступающего, в его составе вычленяется вводная часть. И в этом случае в вопросе содержится скрытое отрицание.

Риторический вопрос может представлять собой узуальный штамп речи.

89) „Sehr geehrte Frau Präsidentin! Meine Damen und Herren! Wer hätte das gedacht? Wir Grünen jedenfalls nicht. Sie legen uns heute doch noch ein neues Düngegesetz vor.“ (218 Sitzung. S. 21860)

В этом случае четко вычленяется имплицитное отрицание (*Никто не мог бы себе такое вообразить*). Риторический вопрос как косвенный речевой акт придает этому содержанию бóльшую выразительность.

Следует отметить, что наличие в вопросе модального глагола в сочетании с вопросительным словом или без него не превращает этот вопрос в риторический. Так, можно привести примеры достаточно протяженных цепочек следующих друг за другом вопросов, требующих ответа.

90) „Man sollte vielleicht auch manchmal überlegen, was prioritär ist. Können wir die Mittel im Bereich Bildung gebrauchen? Wie sieht es bei der Breitbandversorgung aus? Wie können wir die Mittel vernünftig anlegen? Wie können wir das Dezemberfieber verhindern?“ (218 Sitzung. S. 21882)

Четыре следующих друг за другом вопроса призваны обозначить приоритетное поле деятельности. Выступающий обращается непосредственно к аудитории, облекая в форму вопроса ряд возможных решений существующих проблем.

Особое место среди собственно-риторических вопросов в нашем корпусе примеров занимают конструкции с вопросительными словами *welcher* и *wo*.

91) „Das heißt also aus Ihrer Sicht: Von deutschem Boden ist vielfach Krieg ausgegangen. (Wolfgang Gehrcke [DIE LINKE]: Ja!) Das ist doch völlig irre. In welcher Realität leben Sie denn? Aber wir kennen das ja schon von Ihnen, von Frau Dağdelen und anderen. Das ist so eine Art Zwangsvorstellung von einem militaristischen Deutschland, in dem eine Art Waffen-SS schon wieder die Panzermotoren warmlaufen lässt. Das ist russische Propaganda.“ (218 Sitzung. S. 21858)

92) „Meine Güte, liebe Heike Hänsel, seit Angela Merkel Bundeskanzlerin ist, hat sich Deutschland weder im Irak noch in Libyen noch in der Ukraine noch in Syrien oder in anderen Konfliktregionen für den Sturz von Regierungen eingesetzt, wohl aber für das Ende von Kriegen, und zwar mit humanitärer Hilfe und erheblichen Mitteln – Hunderten von Millionen Euro – der Entwicklungszusammenarbeit. (Heike Hänsel [DIE LINKE]: Wo, Herr Klimke, leben Sie denn?“ (218 Sitzung .S. 21886)

Оба приведенные примера имеют в своем составе глагол *leben*. Оба вопроса не требуют ответа, однако трудно выделить для этих высказываний имплицитное отрицание или утверждение. Как косвенные речевые акты они указывают на то, что политический оппонент выступающего неверно оценивает сложившуюся на сегодняшний день ситуацию.

2.5.3. Несобственно-риторические вопросы

Характерным для несобственно-риторических вопросов является

использование вопросительного местоимения *was*, после которого должен последовать конкретный информативный ответ.

93) „Und was tun Sie als Große Koalition? Sie tun nichts. Sie warten ab.“ (218 Sitzung . S. 21860)

94) „Was heißt denn das? Das heißt doch nichts anderes, als dass die zivile Krisenprävention in der deutschen Außenpolitik in den vergangenen 13 Jahren unheimlich an Bedeutung gewonnen hat.“ (218 Sitzung. S. 21893)

И в том и в другом случае депутаты настроены крайне агрессивно. Отвечая на поставленные ими же вопросы, они категорически отрицают факт достижения результата их политическими противниками.

Вопрос, вводимый вопросительным местоимением *was*, может включать модальный глагол.

95) „Ich bin dafür, darüber nachzudenken, wie der gemeinsame Raum von Wladiwostok bis Lissabon – das wird auch oft von sozialdemokratischen Kollegen angeführt – inhaltlich gefüllt werden kann. Was soll denn in diesem gemeinsamen Raum passieren? Was ist die Grundlage dafür? In einem solchen gemeinsamen Raum müssen die Grundlagen Abrüstung – wenn es sein muss, auch einseitige Abrüstung –, Handel statt Krieg gegeneinander, Gleichberechtigung und Sicherheit sein.“ (218 Sitzung. S. 21853)

В том ответе на свой вопрос, который озвучивает депутат, также присутствует модальный глагол, но главное в этом ответе – та конкретная информация, которую выступающий хочет донести до своих коллег. Используя подряд два риторических вопроса, депутат Бундестага готовит аудиторию к восприятию важной для него информации.

Вопросительное слово *was* может вводить вопрос самого общего плана.

96) „Lieber Herr Gehrcke, was ist das von Ihnen propagierte kollektive Sicherheitssystem überhaupt? Letztlich ist dieses kollektive Sicherheitssystem nichts anderes als ein schönes Wort für einen solchen Sonderweg.“ (218 Sitzung. S. 21860)

И на такой вопрос депутат отвечает достаточно пространно и очень эмоционально, обращаясь в первую очередь к своему политическому

оппоненту. Прилагательное *lieb* перед фамилией господина Герке приобретает иронический оттенок.

Несобственно-риторический вопрос может строиться и с другими вопросительными словами.

97) „Wir setzen das Signal, dass man sie auch abbauen kann. Wann, wenn nicht jetzt, wo wir Überschüsse in den Haushalten haben, sollten wir denn Schulden abbauen? Jetzt ist die Zeit gekommen.“ (218 Sitzung. S. 21883)

В самом вопросе уже эксплицитно присутствует ответ на заданный вопрос (*Когда, если не сейчас? = Сейчас*). Однако выступающий еще раз подчеркивает, что необходимо действовать немедленно.

Итак, анализ языкового материала позволил выявить наиболее типичные типы вопросительных конструкций для собственно-риторических и несобственно-риторических вопросов.

Собственно-риторические вопросы строятся при помощи вопросительных слов *wenn, wie, warum* и часто имеют в своем составе глагол долженствования. Типичным для них является имплицирование отрицания того, что отражается вопросом. Реже вычленяется скрытое утверждение или отрицание отрицания.

Несобственно-риторические вопросы в большинстве случаев начинаются с вопросительного местоимения *was*, требующего развернутого информативного ответа. Возможно также формирование риторических вопросов данного типа при помощи других вопросительных слов, таких, например, как *wann*.

В плане структуры все обнаруженные нами случаи использования риторических вопросов представляют собой предложения с глаголом в личной форме, распространенные или нераспространенные, простые или сложные. Рамки данной работы не позволяют нам более подробно изучить этот вопрос, который требует дополнительного исследования.

Риторические вопросы ориентированы на рельефное выделение приводимых аргументов путем диалогизации произносимой речи.

2.6. Обращение как средство речевого воздействия в парламентских дебатах

2.6.1. Обращения как регуляторы вербальной интеракции

Использование той или иной формы обращения к аудитории не является случайным. Известно, что обращение признается важным средством речевого воздействия на собеседника. Парламентские дебаты представляют собой определенный вид диалога между депутатами. Этот диалог может трансформироваться в «полилог», когда в дискуссию вступают представители нескольких политических направлений. Каждый участник дебатов избирает определенную стратегию воздействия на оппонентов (и соратников).

Текст этого диалога или полилога может рассматриваться как на собственно речевом уровне (отражение внеязыковой действительности), так и на метаречевом (метатекстовом в терминологии А. Вежбицкой (1978) (сам процесс речи). Обращения относят ко второму уровню, так как они «обслуживают метакоммуникативный пласт метаречи, выступая в роли регуляторов вербальной интеракции» [Петкова, 2005: 26]. Иными словами, обращение может служить средством не только привлечения внимания слушающих, но и отражать отношение говорящего к аудитории и тем самым воздействовать на эту самую аудиторию.

Анализ обращений дает возможность выявить «некоторые специфические черты коммуникативного поведения представителей различных социальных групп в рамках конкретного лингвокультурного социума» [Петкова, 2005: 27].

А. И. Останин, подчеркивает, что обращение является полифункциональной единицей, и одна из его функций состоит в том, чтобы «оптимизировать речевое воздействие на адресата, определенным образом направлять его поведение, регулировать, настраивать тон общения». [Останин 1988, 65 – 72].

По мнению Н. И. Формановской, обращение функционирует на уровне высказывания. Ему свойственна особая интонация, выделяющая слово или слова, выполняющие эту функцию, в потоке речи. Н. И. Формановская рассматривает обращение как «речевое действие (речевой акт), состоящее из

призыва и названия [Формановская, 1998: 84]. В. Е. Гольдин также считает, что обращение занимает в тексте «синтаксически независимую позицию», а его функция, по мнению исследователя, состоит в «установлении соответствий между представлениями адресанта и адресата», обращение дает возможность судить о «характере социально типизированных отношений между ними в процессе создания и восприятия текста» [Гольдин 2009: 114 – 115]. В. Е. Гольдин поместил обращение в центр выделенной им глобальной категории речевого контакта, так как оно «является главным средством явного выделения адресата; специализировано в данной функции; всегда ориентировано на самого адресата» [Гольдин, 1987: 63]. В. Е. Гольдин различает два типа обращений: обращения-регулятивы и обращения-индексы. Для первых главной функцией является регулирование отношений между общающимися, вторые, «главная функция которых — номинативная, ... призваны точно адресовать речь, указать основные признаки адресата» [Гольдин, 1978: 78].

Еще одну классификацию обращений предложил В.И. Карасик. Он различает стандартные и нестандартные вокативы. К нестандартным относятся любые слова, которые могут быть использованы в функции обращения. Стандартные вокативы подразделяются в свою очередь на неопределенные и определенные. В число неопределенных вокативов входят междометия, привлекающие внимание людей, и некоторые виды местоимений (Всем, всем, всем!). К определенным вокативам относятся «титулы, звания, термины родства, личные местоимения второго лица, имена собственные» [Карасик, 1992: 210].

Использование того или иного обращения связано с необходимостью следовать речевому этикету, который понимается как система «специфичных языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания вежливых, доброжелательных, дружеских или официальных отношений в соответствии с речевой ситуацией» [Балакай, 2002: 3].

А.А. Шмаков определяет сущность обращения как его способность

«актуализировать в тексте образы слушающего как объекта привлечения внимания, говорящего как субъекта такого действия», кроме того, по мнению А.А. Шмакова актуализации подвергается сам мотив действия (т.е. интенция – кооперативная, манипулятивная, презентационная) и цель «(установление и / или поддержание контакта в избранной тональности)» [Шмаков, 2013: 144 – 145].

Частеречевая принадлежность слов, выступающих в функции обращения, ограничивается в основном именами существительными, которые в сочетании с зависимыми словами могут образовывать именную группу, и местоимениями. Применяв семантический подход и с учетом прагматического принципа, Т. Е. Янко предложила следующую классификацию имен существительных-обращений: имена таксономических признаков (например, название профессии или указание на национальную принадлежность); оценки (предатель, благодетель); именованья уникальных ролей, которые люди исполняют в жизненных сценариях (тамада, истец); реляционные слова (мама, земляк); имена собственные; развернутые дескрипции (студенты старших курсов); слова-обращения, закрепленные в культуре (господа, доктор) [Янко, 2012: 235].

2.6.2. Нейтральные обращения

В ситуации общения в зале заседаний парламента можно ожидать использования депутатами конвенциональных форм обращения. Это могут быть слова, закрепленные культурой народа, или имена таксономических признаков. Обнаруженные в текстах дебатов случаи использования обращений многочисленны, однако они не отличаются разнообразием и оригинальностью.

К числу нейтральных, лишенных выразительной силы относятся словосочетания Herr + Name, Frau + Name („Herr Kurth“ S. 21708, „Herr Beck“ S. 21725), обращения, включающие название должности или занимаемого поста („Frau Ministerin“ S. 21709, S. 21710; „Frau Bundesministerin“ S. 21708; „Herr Präsident“ S. 21706; „Herr Staatssekretär“ S. 21716), а также реляционные имена („Frau Kollegin“ S. 21714).

Использование имени собственного в сочетании со словами, закрепленными в немецкой культуре общения, чаще всего вызвано тем, что полемика идет с каким-либо конкретным депутатом, мнение которого подвергается критике. Так, например, депутат от партии CDU возражает депутату от партии Linke, поэтому в его речи часто встречается обращение „Herr Gehrcke“ (218 Sitzung. S. 21855). нет точки

2.6.3. Роль прилагательных в составе обращений

Распространенными являются обращения, имеющие в своем составе прилагательное.

98) „*Liebe* Kolleginnen und Kollegen!“ (214 Sitzung. S. 21421)

Даже в таком обычном обращении к коллегам говорящий распределяет роли потенциального диалога. Обращение подчеркивает одинаковый социальный статус участников языкового контакта, в ходе которого выступающий излагает свою точку зрения депутатам, занимающим равное с ним положение. Такое обращение настраивает слушающих на деловой лад, служат знаком того, что будут решаться проблемы, относящиеся к сфере их деятельности. Привлекая внимание аудитории, устанавливая контакт, говорящий проявляет кооперативную интенцию (терминология А. А. Шмакова), на что указывает использование причастие в функции определения *lieb*. Следует отметить, что словосочетания, в которых присутствуют формы женского и мужского рода существительного, характерны для официальных обращений сегодняшнего дня. В них можно усмотреть дань традициям вежливости, но и стремление подчеркнуть равное положение женщин и мужчин в современном обществе.

Кроме прилагательного *lieb*, в составе обращений, звучащих в парламенте, встречается также причастие *geehrt*.

99) „Sehr geehrte Frau Präsidentin! Liebe Kolleginnen! Liebe Kollegen! Ich habe heute nicht in die Geschäftsordnung des Bundestages geschaut. Aber ich habe den Titel der heutigen Aktuellen Stunde gelesen.“ (217 Sitzung. S. 21747)

Депутат в начале своего выступления использует традиционную форму

обращения к председателю, затем обращается к своим коллегам-парламентариям, причем прилагательное *lieb* присутствует дважды: перед формой женского рода и перед формой мужского рода. Устанавливая контакт с аудиторией, депутат готовит слушающих к восприятию важной информации.

В следующем примере также присутствует традиционное обращение к председателю Бундестага, важным элементом в составе которого является причастие *geehrt*, сопровождаемое наречием-интенсификатором *sehr*.

100) „Sehr geehrter Herr Bundestagspräsident! Ich hoffe, Sie empfinden das nicht als Beleidigung.“ (214 Sitzung. S. 21421)

В данном случае можно говорить не только о конвенциональном способе обращения, но и о распределении социальных ролей участников диалога. Обращение выполняет контактоустанавливающую функцию, выступающий привлекает внимание к тому, что будет сказано. Следующее далее предложение характеризует сложившуюся ситуацию как конфликтную. В этом случае подчеркнуто вежливая форма обращения свидетельствует о накале страстей.

Такой же эффект можно обнаружить и в следующем примере:

101) „Sehr geehrte Frau Ministerin, die Zahl psychischer Erkrankungen nimmt bekanntlich zu.“ (217 Sitzung. S. 21707)

Депутат от партии *Зеленые*, находящейся в оппозиции, привлекает внимание к серьезной проблеме, которой, по его мнению, правительство занимается недостаточно. И в этом случае подчеркнуто вежливая форма обращения по контрасту с критическими замечаниями приобретает большую выразительную силу.

Известно, что в немецких формах обращения регулярно используются притяжательные детерминативы [Gladrow, 2008: 47].

102) „Meine Damen und Herren Abgeordnete, mit diesem Gesetzentwurf verhelfen wir beiden Aspekten, um die es geht, zur Geltung: der Pflicht des Staates, Gesundheit und Leben zu schützen, und dem Recht des Einzelnen, über medizinische Behandlung, soweit das eben möglich ist, selber zu entscheiden. Wir wären dankbar, meine Damen und Herren Abgeordnete, wenn wir diesen Gesetzentwurf hier im Parlament beraten und noch in dieser Legislaturperiode

verabschieden könnten, zum einen, um dem Auftrag des Bundesverfassungsgerichtes zu entsprechen, zum anderen, um den Menschen, um die es geht, möglichst schnell auf einer sicheren Rechtsgrundlage helfen zu können.“ (214 Sitzung. S. 21422)

В данном отрывке дважды присутствует обращение к депутатам, включающее притяжательный детерминатив. Вероятно, в этом случае можно говорить о маркированном желании выступающего привлечь на свою сторону коллег депутатов. Фатическая функция обращения, проявляющаяся в первом случае, преобразуется во втором случае в функцию поддержания контакта.

Первое обращение вводит тему, предмет речи и начинает предложение, второе обращение стоит в интерпозиции непосредственно перед призывом проголосовать за принятие закона. Повтор одинакового обращения не только структурирует речь, но и вносит определенный элемент особого личностного общения с аудиторией. Л. П. Рыжова предлагает рассматривать фатическую функцию как функцию «организации интеракции, то есть использования в процессе взаимодействия языковых средств для начала, поддерживания и окончания контакта» [Рыжова, 1983: 83]. Следует отметить, что концентрация нескольких обращений в начале выступления не только указывает на ряд адресатов, но и свидетельствует чаще всего о том, что выступающий находится в состоянии эмоционального подъема, и он стремится вызвать определенную реакцию у слушающих.

103) „Frau Präsidentin! Meine sehr verehrten Damen und Herren! Lieber Kollege Ströbele, ...“ (217 Sitzung. S. 21722)

В приведенном примере присутствует яркое по своему значению причастие с функцией определения *verehrt* в сочетании с интенсификатором и притяжательным детерминативом, а перед существительным *kollega*, за которым следует фамилия этого коллеги, прилагательное *lieb*. Такого рода обращения обладают воздействующей силой.

104) „Sehr geehrte Frau Präsidentin! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Meine sehr geehrten Damen und Herren! Wir haben heute schon ganz viel über Statistiken

etc. gehört, und ich wollte eigentlich auch damit anfangen.“ (217 Sitzung. S. 21749)

В данном случае кроме традиционного обращения к председателю депутат упоминает дорогих коллег, а затем всех глубокоуважаемых присутствующих, дам и господ. Такое вступление указывает на то, что говорящий призывает аудиторию внимательно выслушать его аргументы.

Отметим, что в большинстве приведенных в этом разделе примеров после обращения стоит восклицательный знак, который свидетельствует о том, что обращение произносится на повышенном тоне голоса, с определенной интонацией. Выступающий стремится перенести свой эмоциональный подъем на аудиторию, стать центром внимания.

Итак, обращение, выполняя контактоустанавливающую функцию или функцию поддержания контакта, одновременно структурирует речь выступающего, «организует интеракцию». Депутат повторяет обращение перед важными в смысловом плане отрезками текста, маркируя, в частности, переход от аргументации к призыву. Не отличаясь разнообразием форм, обращение играет таким образом важную роль, воздействуя в нужном направлении на аудиторию.

Принятые в парламенте конвенциональные формы обращения закреплены традицией. Круг прилагательных, использующихся в обращениях, звучащих в стенах Бундестага, ограничен. В особых случаях эти прилагательные сопровождаются интенсификаторами.

Заключение

Изучение проблем, связанных с языковой составляющей парламентской деятельности, позволяет утверждать, что парламентский диалог, как вид политического дискурса, обладает целым рядом особенностей, характерных для устной формы общения в условиях противостояния мнений и необходимости аргументировано отстаивать свою точку зрения. Непосредственная, а иногда и спонтанная реакция на точку зрения оппонента придает политическому диалогу выразительность, которая достигается путем использования целого ряда средств речевого воздействия.

По нашим наблюдениям, наиболее регулярно депутаты используют такие приемы достижения выразительности, как повторы, метафоры, парентетические вставки, экскламативные предложения, риторические вопросы, обращения. Эти явления языка и стали объектом данного исследования.

Среди перечисленных средств речевого воздействия выделяются такие, которые помимо свойственной им прагматической функции, выполняют роль организаторов текстового пространства. К этим последним относится, прежде всего, обращение.

Каждое выступление депутата, каждое объявление председателя Бундестага начинается с обращения. Выполняя контактоустанавливающую функцию или функцию поддержания контакта, обращение одновременно позволяет выступающему выделить важные в смысловом плане отрезки речи, обозначить переход от одного тематического блока к другому.

Являясь конвенциональной формой, обращение не обладает разнообразием в плане выражения. Принятые в парламенте конвенциональные формы обращения закреплены традицией. Это имена собственные, названия должностей часто в сопровождении прилагательных, круг которых также ограничен. Повышают воздействующую силу обращений наречия-интенсификаторы при прилагательных и особая интонация с повышением тона, которая маркируется в тексте протокола восклицательным знаком. Обращение готовит аудиторию к восприятию речи.

Выразительность, а следовательно, и воздействующая сила речи в значительной степени создается теми образами, которые использует выступающий. Характерным для парламентских дебатов является использование большого числа языковых штампов, которые в своем большинстве представляют собой стертые метафоры, оживление образной силы которых достигается путем использования развернутой метафоры или модификации устойчивого выражения. Образы для метафор депутаты черпают из самых разных сфер. Характерными для парламентских дебатов можно назвать метафоры, источником для которых служит сфера строительства. При обсуждении вопросов, связанных с созданием новых законодательных актов, которые должны привести к изменениям в обществе, закономерным представляется появление таких лексических единиц, как *Fundament*, *Ziegelstein*, *Baustein* и др. в их метафорическом употреблении.

По частеречевой принадлежности наибольшей частотой употребления отличаются глагольные и субстантивные метафоры. Глагольные метафоры отличаются также наибольшим структурным разнообразием.

Субстантивные метафоры, основой создания образа для которых служит имя существительное, могут включать в свой состав прилагательные различной семантики.

Адъективные метафоры подчеркивают интенсивный характер описываемого явления или делают акцент на одном из его свойств.

Еще одной яркой фигурой речи, широко используемой в парламентских дебатах, является риторический вопрос двух разновидностей: собственно-риторический и несобственно-риторический. Риторические вопросы являются эффективным средством выделения приводимых аргументов путем диалогизации произносимой речи.

Типичным для собственно-риторических вопросов является имплицирование отрицания того, что отражается вопросом. Они строятся при помощи вопросительных слов *wenn*, *wie*, *warum* и часто в их составе присутствует глагол долженствования.

Несобственно-риторические вопросы в большинстве случаев вводятся

вопросительным местоимением *was*, требующим развернутого информативного ответа.

В плане структуры обнаруживается большое разнообразие моделей построения риторических вопросов депутатами, этот вопрос требует дополнительного исследования.

Особую группу с точки зрения воздействия на аудиторию представляют собой парентетические включения, позиция которых по отношению к основному предложению, в синтаксическом плане может варьироваться в широких пределах. С точки зрения актуального членения предложения парентеза предшествует реме основного предложения. Представляя собой паузу в отношении главного плана повествования, парентеза придает большую выразительность следующей за ней реме основного предложения.

В плане структуры и объема в роли парентез могут выступать различные конструкции, от словосочетания до сложноподчиненного предложения.

Наиболее разнообразны по лексическому наполнению и синтаксическому построению содержательные парентезы. Конкретизирующие парентезы раскрывают содержание какого-либо элемента основного предложения. Для включений-отсылок, которые также относят к содержательным парентезам, характерно наличие в их составе дискурсивных слов *schon* и *auch*.

Среди модальных парентез мы выделили чисто модальные и модально-оценочные. Такого рода парентезы придают тексту диалоговый характер и делают более рельефными утверждения выступающего.

Модально-оценочные парентезы обладают особенно высокой выразительностью. В такого рода вставках часто присутствуют яркие лексические единицы.

Конативные парентезы представлены в тексте дебатов вставками, содержащими прямое обращение к присутствующим в зале заседаний или упоминание о лицах, присутствующих на заседании и имеющих отношение к обсуждаемому вопросу.

Экскламативные предложения отражают прежде всего эмоциональную реакцию депутатов, а основной сферой их использования являются реплики с

места, которые могут состоять из одного или двух (реже, нескольких) предложений. Распространенной моделью являются эллиптические предложения, сохраняющие предикативную часть своей структуры.

Экскламативные предложения с инвертированным порядком слов, в которых начальную позицию занимает глагол, прямое или косвенное дополнение или обстоятельство обладают наибольшим экспрессивным потенциалом. Дополнительную выразительность высказыванию придают частицы.

Такого рода предложения, используемые в качестве реплик с места в Бундестаге, не только отражают эмоции парламентариев, но и выражают оценку или побуждение.

Еще одна выразительная фигура речи, часто используемая в ходе заседаний Бундестага, – это повтор. Наиболее характерным для текстов парламентских дебатов является синтаксический повтор, во многих случаях сочетающийся с лексическим повтором.

Следует отметить, что депутаты соединяют в своей речи различные средства воздействия на слушающих. Так повторяться могут экскламативные предложения, риторические вопросы, обращения.

В абсолютном большинстве случаев в тексте дебатов синтаксический повтор представляет собой анафору.

Синтаксический параллелизм наблюдается на достаточно протяженных отрезках текста, а число элементов в составе повтора варьируется.

В структурном плане повторяться может подлежащее и сказуемое предложения, главная часть сложноподчиненного предложения, придаточное обстоятельственное предложение (включая союз).

В рамках данной работы была осуществлена сплошная выборка примеров использования обращения, устойчивых и окказиональных образных словоупотреблений и выражений, экскламативных предложений, риторических вопросов для двух заседаний Бундестага. 217-е заседание продолжалось около трех часов. На нем выступили 47 человек. Обращения использовались 127 раз, следовательно, каждый оратор не менее трех раз использовал обращение в

речи. Риторический вопрос прозвучал 9 раз. Экскламативные предложения звучали 40 раз, то есть почти каждый оратор что-то воскликнул по ходу своей речи. Повтор использовался 5-6 раз. Депутаты использовали весь потенциал выразительных средств языка, чтобы добиться желаемого эффекта.

Парламентские дебаты – это один из самых интересных для исследователя видов политического дискурса, изучение которого позволяет глубже понять процессы, происходящие в языке.

Список использованного материала

- 1) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 211 . Sitzung . Berlin, Mittwoch, den 18 . Januar 2017
- 2) Deutscher Bundestag – 18. Wahlperiode – 212. Sitzung. Berlin, Donnerstag, den 19. Januar 2017
- 3) Deutscher Bundestag – 18. Wahlperiode – 213. Sitzung. Berlin, Freitag, den 20. Januar 2017
- 4) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 214 . Sitzung . Berlin, Mittwoch, den 25 . Januar 2017
- 5) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 215 . Sitzung . Berlin, Donnerstag, den 26 . Januar 2017
- 6) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 216 . Sitzung . Berlin, Freitag, den 27 . Januar 2017
- 7) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 217 . Sitzung . Berlin, Mittwoch, den 15 . Februar 2017
- 8) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 218 . Sitzung . Berlin, Donnerstag, den 16 . Februar 2017
- 9) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 219 . Sitzung . Berlin, Freitag den 17 . Februar 2017
- 10) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 220 . Sitzung . Berlin, Mittwoch, den 8 . März 2017
- 11) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 221 . Sitzung . Berlin, Donnerstag, den 9 . März 2017
- 12) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 222 . Sitzung . Berlin, Freitag, den 10 . März 2017
- 13) Deutscher Bundestag – 18 . Wahlperiode – 223 . Sitzung . Berlin, Mittwoch, den 22 . März 2017
- 14) Deutscher Bundestag – 18. Wahlperiode – 224. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 22. März 2017

Список использованной литературы

- 1) Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994.– 151 с.
- 2) Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009.– 212 с.
- 3) Андреев, Н. И. Партийно-политический дискурс немецкого языка // Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели: Материалы 5-й Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 1 июля 2011 г. / ред. Н.В.Иванов. М.: Книга и бизнес, 2011.– 6 с.
- 4) Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов.- 5-е изд., испр. и доп.. М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
- 5) Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сборник. М.: Прогресс, 1990.С. 5– 33
- 6) Афанасенко, Е. В. Семантический повтор в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков) Автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов, 2006. – 18 с.
- 7) Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: Дис. д-ра филологических наук. Новокузнецк, 2002. – 345 с.
- 8) Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания, 2003. - №2. С.73 – 94
- 9) Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с.
- 10) Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. школа, 1983. – 271 с.
- 11) Будаев, Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: Автореф. дисс. докт. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2010. – 48 с.
- 12) Гольдин, В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1987. – 127 с.

- 13) Гольдин, В. Е. Обращения: теоретические проблемы. 2-е изд. М.: книжный дом «Либроком», 2009. – 136 с.
- 14) Грайс П. Логика и речевое общение//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 217 – 237.
- 15) Долинин, К.А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987. – 303 с.
- 16) Зинченко, В. М.Актуализация категории эмотивности в немецком тексте // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Филология, 2012, № 02, Том 7, с. 51 – 59.
- 17) Иванов, Л. Ю. Текст научной дискуссии: Дейксис и оценка. М.: 2Р, 2003. – 206 с.
- 18) Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов. – Дисс. На соискание ученой степени к.ф.н. – Волгоград, 2003. – 139 с.
- 19) Карасик, В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
- 20) Керимов, Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе :Дис. канд. филол. наук., Кемерово, 2005. – 186 с.
- 21) Кильмухаметова, Е. Ю. Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) Вестник ТГПУ, 2006. С. 77 – 82.
- 22) Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – М., 2002. – 317 с
- 23) Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры. // Вестник МГУ. Серия 9: Филология, 2001. - №6. с. 134 – 135.
- 24) Кострова, О. А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004. – 240 с.
- 25) Ксензенко, О. А. Роль парентетических внесений в рекламных текстах: Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. В.В. Красных, А. И. – 140 с.
- 26) Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с преисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- 27) Литвинова, Т. И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе: дис. канд. филол. наук, Воронеж, 2008. – 203 с.

- 28) Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: 1999. – 199 с.
- 29) Михальская, А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Academia, 1996. – 192 с.
- 30) Наминова, Г. А. Политический дискурс в современной России. Автореф. дис. канд., М.: 2001. – 192 с.
- 31) Останин А. И. Целевая соотнесенность обращения и высказывания (на материале русской разговорной речи) // Филологические науки. М.: 1988. № 1. С. 65 – 72
- 32) Петкова, С. Обращение как средство речевого воздействия на адресата // Болгарская русистика. Общество русистов в Болгарии: 2005. С. 26 – 34
- 33) Реформатский, А. А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. М.: Просвещение, 1967. – 544 с.
- 34) Рыжова, Л. П. Коммуникативные особенности обращения // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983. С. 80 – 92
- 35) Сабержанова, А. Р. Белова. В. Ф. Риторический вопрос как средство экспрессивизации в немецком политическом дискурсе // материалы научно-методических чтений. Пятигорск, 2017. С. 102 – 105
- 36) Сапрыкина, Е. В. Способы репрезентации речевого действия "обвинение" в парламентском дискурсе: на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ. Автореф. дис. канд., Уфа, 2007. – 184 с.
- 37) Розенталь, Д. Э. Универсальный справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика. М.: О О О «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 704 с.
- 38) Седов, К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности. // Культурно-речевая ситуация а современной России. – Екатеринбург, 2000. – 377 с.
- 39) Сергеева, Т. А. Риторические вопросы как эмоциональные высказывания в немецкой диалогической речи. Автореф. дис. канд., Пятигорск, 1993. – 17 с.
- 40) Тенева, Е. В., Манипуляция и убеждение как подвиды категории воздействия (на материале британского политико – публицистического

- дискурса). Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. С.120 – 130
- 41) Фадеева, Л. В. Парентеза в немецкой устной диалогической речи (на материале мангеймского корпуса) Автореф. дис. на соиск. учёной степени канд. филол. наук Москва, 2005. – 21 с.
- 42) Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Институт русского языка имени А.С. Пушкина, 1998. 291 с.
- 43) Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: Автореф. дис. д-ра. филол. наук., Волгоград, 2000. – 30 с.
- 44) Шмаков, А. А. Коммуникативная сущность обращения как компонента текстов диалогических форматов интернет-коммуникации // Филология и человек. Барнаул, 2013. № 1. С. 139–146.
- 45) Юдина Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи. – Автореф. дисс. на соискание ученой степени д.ф.н. – М.: 2001 – 35 с.
- 46) Юрина М.В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью. Автореф. Дисс. На соискание ученой степени к.ф.н. – Самара, 2006. С. 6 – 7.
- 47) Янко, Т. Е. Прагматические параметры нормативной номинации // Тезисы докладов III Международной конференции «Культура русской речи». М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 233–236.
- 48) Bachem, R., Battke K. Unser gemeinsames Haus Europa: Zum Handlungspotential einer Metapher im öffentlichen Meinungsstreit. *Wissenschaft & Frieden* 1989 3. URL: <http://www.wissenschaftundfrieden.de/seite.php?artikelID=0826> (дата обращения: 07.04.2018)
- 49) Bernhard, D. Die Rationalität der Metaphern. / Walter de Gruyter. Berlin, New York: 1995
- 50) Böke, K. Die “Invasion” aus den “Armenhäusern Europas”. Metaphern im Einwanderungsdiskurs. Die Sprache des Migrationsdiskurses. Das Reden über ‘Ausländer’ in Medien, Politik und Alltag. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997 S. 9–16.

- 51) Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache. Studien zur Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. - Berlin, NewYork, 1998. 349 S.
- 52) Diekmanschenke H.J. Wörter in der Politik: Analysen zur Lexemverwendung in der politischen Kommunikation. Opladen: Westdt. Verl., 1996. 221 S.
- 53) Eisner M. Politische Sprache und sozialer Wandel: eine quantitative und semantische Analyse von Neujahrsleitartikeln in der Schweiz von 1840 bis 1987. Zürich: Seismo, 1991, 211 S.
- 54) Elspaß, S. Phraseologie in der politischen Rede. Zur Verwendung von Phraseologismen in ausgewählten Bundestagsdebatten. Opladen/ Wiesbaden, WestdeutscherVerlag, 1998. – 320 S.
- 55) Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Constructions in Natural Language. – London: Cambridge University Press, 1998. – 190 p.
- 56) Fleischer, W., Michel G., Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1975. – 394 S.
- 57) Gladrow, W. Система обращения в русском и немецком языках // Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday Ed. by JoukoLindstedt et al. Helsinki, 2008. C.38–48
- 58) Griesbach, H., Schulz D. Grammatik der deutschen Sprache. Munchen, 1967. – 455 S.
- 59) Kamps K. Regieren und Kommunikation. Köln: Halern. 2006. – 371 S.
- 60) Liphardt E. Aporien der Gerechtigkeit: politische Rede der extremen Linken in deutschland und Russland zwischen 1914 und 1919. Thübingen: Niemeyer. 2005.- 255 S.
- 61) Pittner, K., Zur Syntax von Parenthesen // Linguistische Berichte, Westdeutscher Verlag, 1995. – 108 S.
- 62) Riesel, E., Sehendels E. Deutsche Stilistik. Moskau: Hochschule, 1975. – 314 S.
- 63) Simmler, F. Die politische Rede im Deutschen Bundestag. Bestimmung ihrer Textsorten und Redesorten: Göppinger Arbeiten zur Germanistik herausgegeben von Ulrich Müller, Franz Hundsnurscher und Cornelius Sommer. Nr. 245, Göppingen: Verlag Alfred Kümmerle, 1978. – 634 S.

- 64) Watzin K. Politeker im Spiegel – Gespräch. Wien: Lang. 1998.- 220 S.
- 65) Wesel, R. Politische Metaphorik. “parlamentarischen Diskurs”: Konzeptionelle Überlegungen, exemplifiziert an entwicklungspolitischen Bundestagsdebatten. 1995

Список использованных словарей

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Словарь лингвистических терминов, М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Historisches Wörterbuch der Rhetorik, Gert Ueding, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2009. – 1634 с.